

КЛАССИКА ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

КАРЛ МАРКС
КАПИТАЛ

ПОЛНАЯ КВИНТЭССЕНЦИЯ 3-Х ТОМОВ

Классика истории и культуры

Карл Маркс

**Капитал. Полная
квинтэссенция 3-х томов**

«Издательство АСТ»

1867

УДК 330.1
ББК 65.02

Маркс К. Г.

Капитал. Полная квинтэссенция 3-х томов / К. Г. Маркс —
«Издательство АСТ», 1867 — (Классика истории и культуры)

ISBN 978-5-17-112473-1

«Капитал» – главный труд немецкого экономиста и политического деятеля Карла Маркса, несомненно, оказавший влияние на мировую историю. Данное издание – это основные положения и идеи содержащиеся в «Капитале», обработанные немецким экономистом и политиком Ю. Борхардтом. Как отмечает сам Борхардт, ему «удалось передать теорию учения в правильной форме», что «дает ключ непосвященному или новичку к ее пониманию». Книга будет интересна как специалистам, так и всем интересующимся вопросами социально-экономических теорий.

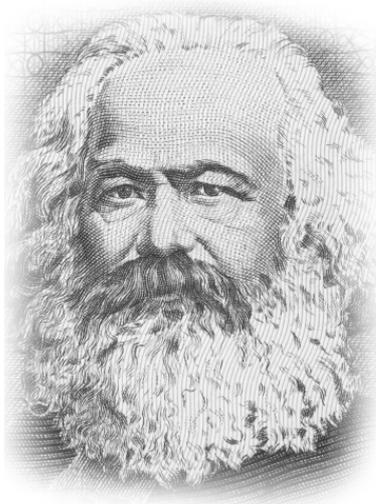
УДК 330.1
ББК 65.02

ISBN 978-5-17-112473-1

© Маркс К. Г., 1867
© Издательство АСТ, 1867

Содержание

От переводчика	6
Предисловие к третьему изданию	8
Предисловие составителя к первому изданию	9
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	42
А) Кооперация	42
Б) Разделение труда и мануфактура	48
1. Двойное происхождение мануфактуры	48
2. Частичный рабочий и его орудие	49
3. Две основные формы мануфактуры: гетерогенная мануфактура и органическая мануфактура	50
4. Разделение труда в мануфактуре и в обществе	54
5. Капиталистический характер мануфактуры	56
В) Машины и крупная промышленность	60
1. Развитие машин	60
2. Стоимость, отдаваемая машиной продукту	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Карл Маркс

Капитал. Полная квинтэссенция 3-х томов

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

От переводчика

Предлагаемая книга Ю. Борхардта представляет собою обработку всех трех томов «Капитала» Маркса, сведенных составителем в сравнительно небольшой объем. Потребность в такой книге доказывается уже тем, что в течение трех лет после своего появления в Германии она выдержала там четыре издания, – успех довольно редкий для этой страны, особенно принимая во внимание тяжелые послевоенные годы. Уже это одно, а также необычайный интерес к марксизму среди нашей молодежи, оправдывает выпуск книги в свет на русском языке Государственным издательством.

Книга Борхардта составлена главнейшим образом из дословных или почти дословных извлечений из трех томов «Капитала». Переводчик вообще избегал давать свой перевод этих извлечений, считая более целесообразным передавать их в имеющемся уже русском переводе И.И. Степанова, достоинства которого общепризнаны¹. Лишь в редких случаях та или иная трудная для понимания фраза этого в общем дословного перевода излагалась в более доступной форме, а также иностранные слова и иностранная транскрипция собственных имен по возможности заменялись русскими.

Исходя из интересов читателя, переводчик не мог оставить в полной неприкосновенности самый текст книги Ю. Борхардта. В некоторых, правда весьма немногочисленных, случаях произведенные составителем сокращения (в общем вполне удачные) явно ухудшают текст «Капитала», а главное, делают для читателя непонятными некоторые важные положения Маркса или даже затемняют их. В этих случаях переводчик счел необходимым восстановить подлинный текст «Капитала».

Так, в главе 9, в отделе «Разделение труда и мануфактура», сделана вставка в начале параграфа «Разделение труда в мануфактуре и обществе» (заголовок которого также взят из «Капитала» и у Борхардта отсутствует), так как иначе осталось бы не вполне ясным весьма важное противопоставление общественного и технического разделения труда.

В главе 13, о накоплении, составитель опустил приведенное у Маркса в этом месте определение «первоначального накопления», которое нами восстановлено.

Неудачное сокращение произведено составителем в главе 18 («Торговая деятельность»). В соответствующем месте «Капитала» Маркс указывает на то, что обращение товаров не всегда сопровождается их перемещением с места на место. «С другой стороны, – говорит он, – в царстве инков транспортная промышленность играла большую роль, *хотя общественный продукт не обращался, как товар, не распределялся посредством меновой торговли*» («Капитал», Т. II, с. 122). В этой фразе составителем выброшен весь конец, набранный у нас курсивом, вследствие чего и первая половина фразы Маркса лишается всякого смысла. Поэтому выброшенный Борхардтом конец фразы нами восстановлен. И в других местах сделаны кое-где незначительные добавления из «Капитала» для улучшения связности изложения.

К числу промахов Борхардта следует, несомненно, отнести и то, что он не сохранил произведенного Марксом разделения больших глав на отделы и параграфы, а также выбросил и их заголовки, а иногда соединял вместе по нескольку глав «Капитала», также уничтожая их индивидуальные названия, – прием, несомненно, антипедагогический и представляющий ничем не оправданное ухудшение подлинного текста «Капитала» и его планировки. Так как расчленение обширной темы на последовательный ряд более мелких подразделений, бесспорно, облегчает как усвоение материала, так и восстановление его в памяти, то нами по возможности восстановлено проведенное в «Капитале» разделение больших глав на разделы и параграфы, носящие свои заголовки.

¹ Маркс К. Капитал. Т. I, II, III. М.: Госиздат, 1923–1925.

Для примера укажем, что в отделе «б» большой 9-й главы, озаглавленном «Разделение труда и мануфактура» и сохраняющем последовательность изложения «Капитала», нами восстановлено, по «Капиталу», разделение его на следующие параграфы:

1. «Двойное происхождение мануфактуры».
2. «Частичный рабочий и его орудие».
3. «Две основные формы мануфактуры».
4. «Разделение труда в мануфактуре и в обществе».
5. «Капиталистический характер мануфактуры».

В главе 14 «Первоначальное накопление» проведено разделение на параграфы:

1. «Тайна первоначального накопления».
2. «Обезземеление крестьянства».
3. «Кровавое законодательство против экспроприированных с конца XV в. (законы с целью понижения заработной платы)».
4. «Возникновение капиталистических фермеров».
5. «Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала».
6. «Возникновение промышленного капиталиста».

Такого же рода разделение глав и больших отделов на параграфы проводилось нами систематически и в других частях книги. За указанные поправки к тексту Борхардта, носящие лишь редакционный характер, на нас, вероятно, не посетует читатель, которому они, надеемся, лишь облегчат трудную работу изучения Маркса.

С. Алексеев
1925 г.

Предисловие к третьему изданию

Со времени появления на книжном рынке настоящего общедоступного издания «Капитала» Маркса прошел год и девять месяцев. В течение этого времени распространение книги было прервано по меньшей мере на шесть месяцев – частью по общеполитическим и экономическим причинам, как то: капповский мятеж, хозяйственные депрессии и т. п., частью же замедлением печатания 2-го издания. Можно сказать, следовательно, что всего лишь за 15 месяцев было выпущено в обращение 10 000 экземпляров и, несмотря на это, спрос на книгу остается настолько сильным, что оказалось необходимым 3-е издание.

Говоря откровенно, должен сознаться, что я отнюдь не удивлен этим успехом. Еще несколько десятилетий назад я был уже слишком глубоко убежден в необходимости такой книги. И я не сомневаюсь даже, что успех наступил бы еще скорее, если бы этому не мешали столь досадные в наш капиталистический век денежные вопросы. Коммерческая пропаганда в настоящее время невероятно дорога, а все те несколько человек, которые поддерживали меня до сих пор при издании этой книги, отнюдь не принадлежат к числу счастливых обладателей капиталов.

Разумеется, я не настолько нескромен, чтобы приписывать большой успех книги исключительно своей работе. Знание учения Маркса как раз теперь стало безусловной необходимостью для сотен тысяч духовно пробужденных людей.

Все же я считаю себя вправе сказать, что мне в общем и целом, может быть, удалось передать теорию учения в правильной форме, которая, с одной стороны, дает верное воспроизведение ее смысла и содержания, а с другой – дает ключ непосвященному или новичку к ее пониманию. Я заключаю об этом из многочисленных заметок, которые были посвящены этой книге в прессе и которые, насколько мне известно, все отзываются о ней с похвалой. Здесь наблюдается редкий случай, что все направления рабочего движения, а вместе с ними даже и буржуазная пресса, оказались единодушными.

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз подчеркнуть своим читателям: нельзя забывать, что работа Маркса осталась незаконченным торсом, и не только с внешней стороны, не только в том смысле, что автору не удалось дать самому окончательную шлифовку подготовленному к печати изложению, но и по содержанию. Ход мыслей внезапно обрывается. Поэтому нельзя удивляться, что и настоящая небольшая книжка тоже внезапно обрывается. И в этом заключается одна из причин трудности для понимания. И здесь жареные голуби не влетают читателю в рот. Чтобы усвоить содержание, нужно его проработать. Но эта работа настоящим моим изданием существенно облегчается, и я надеюсь, что благодаря ей некоторые лица впервые оказываются в состоянии читать самостоятельно и понимать оригинальную работу.

Быть может, немецкому читателю будет небезынтересно, что тем временем появился *английский* перевод книги, русский же перевод готовится к печати.

Присоединенный к настоящему изданию *указатель* послужит к облегчению справок и нахождения определенных мест.

Юлиан Борхардт

Берлин – Лихтерфельде.

Декабрь 1921 г.

Предисловие составителя к первому изданию

С германской ноябрьской революции 1918 г. началась эра социализма. Социализм и социализация – лозунги дня. Но что такое социализм? Ознакомление с основами социализма является теперь настоящей необходимостью не только для образованного человека, но и для всякого.

Основателем научного социализма был Карл Маркс (родился в 1818 г. в Трире, умер в 1883 г. в Лондоне). В его главном труде «Капитал» объединены основы социалистического учения. Таким образом, познакомиться с этой книгой – в настоящее время неизбежный долг каждого, кто хочет понять развитие нашего времени или же принять в нем активное участие.

Однако исполнить этот долг отнюдь не легко. Тот, кто хочет прочесть «Капитал», наталкивается на множество затруднений. Можно сказать даже, что для непосвященного эта книга вообще недоступна. А ведь таких большинство.

Прежде всего укажем на огромные размеры работы. В трех ее томах – не менее 2200 больших печатных страниц. Кто же может их прочесть, не посвящая себя специально этой работе, а наряду с этим занимаясь своим делом? К этому присоединяется еще необыкновенно трудный для понимания способ выражаться. Угодники и льстецы, окрашивающие все черты великого человека в розовую краску, утверждают, будто у Маркса – ясный, меткий, легко понимаемый стиль. Это неверно даже относительно его мелких произведений, писанных для газет. Кто же утверждает это относительно его экономических работ, тот попросту говорит неправду. Чтобы понять его способ выражаться, нужно глубокое проникновение, большое умственное напряжение, любовное углубление в работу, а также – и не на последнем счете – действительно обширное специальное экономическое образование. Причину такой тяжеловесности легко понять: Маркс проделал необычайную работу мысли. Он овладел всем, что было достигнуто до него экономической наукой, и в огромной степени умножил этот материал собственным исследованием, он продумал все хозяйственные проблемы и как раз важнейшие из них привел к совершенно новым решениям. При этом содержание так захватывало весь его дух, всю его энергию, что форме он не придавал никакого значения. Наряду с полнотой мысли, неотступно его занимавших, способ выражения был для него безразличен. Притом же он, конечно, уже не замечает того, что бесчисленное множество вопросов, которые ему были столь знакомы и казались сами собой понятными, могут представить величайшие трудности для других, не обладающих столь обширными знаниями. Едва ли он даже думал писать для непосвященных. Он стремился дать научный труд для специалистов.

Как бы то ни было, несомненно, что трудность изложения может быть преодолена лишь при такой затрате времени и энергии, какими непосвященные совершенно не располагают.

А к этому присоединяется еще третья и величайшая трудность: труд Маркса с первой до последней буквы как бы отлит из одного куска; различные части его учения до такой степени тесно связаны между собой, что ни одна не может быть правильно понята без знания других. Кто принимается за чтение первых глав, тот, естественно, не может еще знать, что содержится в следующих, и потому будет иметь ложное представление об этом учении, пока не проштудирует все три тома до конца.

Эта трудность увеличивается еще тем, что Маркс не смог закончить своего труда. Лишь первый том «Капитала», появившийся в 1867 г., был им написан до конца и приготовлен к печати. Остальные два тома были выпущены лишь после его смерти другом его Фридрихом Энгельсом². Но эти два тома еще не созрели для печати, и Энгельс не раз включает в книгу наброски, в которых Маркс хоть как-нибудь выражает на бумаге свои мысли. Это приводит к

² Второй том – в 1885 г., а третий, в двух частях, – в 1894 г.

бесчисленным повторениям. Читатель, не знакомый с делом (а широкая публика не может быть с ним знакома), с изумлением видит, как одна и та же мысль высказывается другими словами все снова и снова раз десять, пятнадцать, а то и больше, и не понимает зачем. Поэтому даже специалисты обыкновенно ограничиваются чтением первого тома и потом, естественно, ложно понимают то, что Маркс хотел сказать. То же еще в большей степени относится к широкой публике, каковы, например, рабочие социал-демократы, которые, быть может, с колоссальной затратой своих свободных часов прочитывают до конца первый том, но чтение второго и третьего томов откладывают впредь до отдаленного будущего.

По всем этим основаниям мне еще задолго до войны была ясна настоятельная необходимость сделать «Капитал» удобочитаемым для бесчисленного множества жаждущих познакомиться с его содержанием, но не имеющих возможности сделать из этого часть своей жизненной работы. При этом, разумеется, задача состоит не в популяризации учения Маркса, которая заключалась бы в том, чтобы кто-нибудь другой в самостоятельной обработке и другими словами постарался сделать понятным то, чему учит Маркс. Такого рода работ существует достаточно. Они часто страдают тем, что сам автор знает только первый том, а остальные два считает ненужными. Нет, задача состоит в том, чтобы *предоставить говорить самому Марксу*, представить его работу, его собственные слова в таком виде, чтобы каждый мог понять их с затратой некоторого времени и усилий.

Такова была задача, которая уже в течение многих лет стояла перед моим умственным взором³. Война с ее вынужденным досугом дала мне необходимое для этого время. Эту свою работу я предлагаю публике и должен еще сказать, на каком основании я счел себя правомочным и способным к ней и как я поступал при ее исполнении.

* * *

Если я считаю нужным сказать несколько слов о своей компетентности для этой работы, то это лишь ввиду политических условий, сложившихся в Германии вследствие мировой войны. Я предвижу, что те круги прежней социал-демократической партии, которым не нравится моя политическая деятельность, постараются объявить меня невеждой, ничего не понимающим в Марксе и не имеющим права браться за такую работу. Я хочу заранее это предотвратить, особенно ради того, чтобы избавить такого рода противников от стыда, который необходимо должна была бы на них навлечь такая попытка. Поэтому я вкратце сообщу следующее.

В 1909 г. появилась моя небольшая работа об «Основных понятиях экономического учения», представляющая популяризацию учения Маркса о стоимости и прибавочной стоимости. «Гамбургское эхо», которое с того времени перекочевало на крайнее правое крыло партии и, следовательно, находится в самой резкой оппозиции к представляемому мною течению, но сейчас редактируется еще теми же лицами, что и тогда, писало 7 февраля 1909 г. о названной брошюре:

«...Мы очень рады возможности отдать должное работе *Юлиана Борхардта*; в ней центральные мысли марксистской экономики популяризованы превосходно. Как кратко, просто и ясно, например, резюмированы на первой странице положения теории прибавочной

³ Следовательно, это совершенно иная задача, чем та, которую (например, пытается разрешить так называемое «народное издание» («Капитала») Каутского и Экштейна. Последнее ограничивается переводом на немецкий язык иностранных слов и цитат. Далее, оно охватывает лишь первый том на 700 с. большого формата. 2-й и 3-й тома, представляющие гораздо больше трудностей, едва ли поддаются подобной обработке. А если бы это и случилось, то опять-таки оказался бы труд в 2000 с., в который мог бы углубиться только тот, у кого для этой цели очень много времени и много денег.

стоимости! Подробности о стоимости и труде, а также о прибыли с капитала выделены в две последние из шести глав, удачно разбитых на параграфы, и изложены не менее общедоступно.

Не отягощая изложения, автор в немногочисленных положениях освещает в отделах о кооперации и разделении труда их историческое развитие, поскольку оно помогает лучшему пониманию капиталистического производства.

Как говорит автор в предисловии, он хотел дать не законченную систему экономического учения, а лишь ход мыслей, лежащих в основе первого тома «Капитала» Маркса. Это ему удалось превосходно, и мы не задумываемся горячо рекомендовать книжку тем, кто еще не имеет надлежащего представления об экономической стороне марксизма, как введение в его изучение».

На этом можно покончить с вопросом о моей компетентности для предлагаемой здесь работы. К этому можно еще прибавить, что вот уже около 30 лет, как мне приходится специально и самым усиленным образом заниматься «Капиталом» Маркса, и что уже 20 лет назад я по поручению Брюссельского института социальных наук вместе с бельгийским товарищем Вандеридтом перевел на французский язык 2-й и 3-й тома «Капитала»⁴.

* * *

Теперь еще несколько слов о том, каким образом я старался выполнить поставленную себе задачу. Я должен был стремиться к тому, чтобы до последних пределов возможности оставить нетронутыми *подлинные слова Маркса* и ограничить свою работу лишь *выкидками и перестановками*. Как я упомянул уже выше, трудность понимания работы Маркса в значительной степени зависит от того, что для правильного понимания одной части требуется, собственно, уже знание всех других. Едва ли будет преувеличением сказать, что на непосвященного, впервые дерзающего приступить к этой работе, первые отделы производят впечатление какой-то китайской грамоты. Причина заключается именно в том, что он еще не имеет представления о духе книги и о ее способе подхода к вещам. Чтобы приобщиться к ним, необходимо знание весьма важных параграфов, помещенных лишь в 3-м томе. Поэтому мне уже заранее было ясно, что мне придется совершенно видоизменить последовательность мыслей и их изложения. Многие из вошедшего в 3-й том надо было переместить в самое начало. Да и вообще мне неоднократно приходилось соединять вместе текст, размещенный по различным и часто очень удаленным одна от другой главам, другие места, наоборот, разъединять на части и при этом, естественно, зачастую связывать их собственными вставками. Но в общем и целом всегда сохранялись в неприкосновенности подлинные выражения самого Маркса.

Уже это одно давало большой выигрыш. Тот, кто, быть может, возьмет на себя труд сравнить мою обработку с оригиналом, с удивлением заметит, что весьма часто необычайно трудные для понимания мысли становятся ясными и понятными благодаря лишь размещению их в иной последовательности.

Не менее плодотворны были и сокращения. Само собой понятно, что из бесчисленного множества повторений, содержащихся во втором и третьем томах, всякий раз избиралась и принималась лишь *одна* редакция. Но и помимо того моею целью вообще не было воспроизвести всю книгу во всех ее подробностях. Наоборот, надо было сделать выбор, с тем чтобы читатель познакомился полностью с основным ходом мыслей Маркса в его собственном изложении,

⁴ Появились в 1901 г. в издании Жиара и Бриера.

но чтобы его в то же время не отпугнули и не переутомили слишком большие размеры произведения. Желаящий может всякий раз установить путем сравнения, упущено ли что-либо существенное. Для облегчения такого контроля я отмечал внизу страницы в начале каждой главы, а также, насколько это было исполнимо, и в других местах, из каких частей оригинала сделано заимствование.

И при всем том, разумеется, осталось немало мест, которые никак не могли быть оставлены в редакции Маркса, так как остались бы совершенно непонятными; поэтому их приходилось, так сказать, «переводить» на немецкий язык. Чтобы и здесь читатель мог проконтролировать, позволил ли я себе какие-либо недопустимые вольности, искажающие смысл оригинала, я приведу два таких места на пробу.

В оригинале первого тома «Капитала», гл. 13, § 1, сказано:

«В простой кооперации и даже в кооперации, специализированной вследствие разделения труда, вытеснение обособленного рабочего коллективным рабочим все еще представляется более или менее случайным. Машина же, за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже, функционирует только в руках непосредственно коллективного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда»⁵.

Это место переделано мною так:

«В простой кооперации и даже в кооперации, усовершенствованной разделением труда, вытеснение обособленного рабочего коллективным все еще представляется более или менее случайным. Машина же (за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто ниже), безусловно, требует обобществленного труда, т. е. планомерного и совместного труда многих лиц. Самая природа орудия труда делает теперь планомерную совместную работу технической необходимостью».

Во втором томе, на с. 52 (рус. перев. – М.: Госиздат, 1924), мы читаем:

«Если в сделках нашего капиталиста деньги функционируют в качестве платежного средства (таким образом, что покупатель уплачивает за товары лишь через более или менее продолжительный срок), то прибавочный продукт, предназначенный для капитализации, превращается не в деньги, а в долговые требования, в титул собственности на эквивалент, который, быть может, уже имеется у покупателя или же, быть может, только предвидится».

Это место я изложил так:

«Если уплата за товары, которые продает наш денежный капиталист, производится не тотчас, а лишь в более или менее отдаленный срок, то та часть прибавочного продукта, которая должна быть присоединена к капиталу, становится не деньгами, а долговыми требованиями, титулами собственности на некоторый эквивалент, которым покупатель, быть может, уже владеет или который, может быть, лишь имеет в виду».

В заключение выражаю надежду, что проделанная мною работа принесет пользу не только делу понимания Маркса, но и экономической науке вообще, и в особенности делу социализма.

⁵ Маркс К. Капитал. Т. I. М.: Госиздат, 1924. С. 364.

Мне в особенности было бы приятно, если бы мое общедоступное издание разбудило действительно у многих читателей желание взяться после этого и самим за подлинник.

Юлиан Борхардт

Берлин – Лихтерфельде.

Август 1919 г.

Глава 1

Товар, цена и прибыль

Т, Ш. Ч. 1. Гл. 1, 2. Т. Ш. Ч. 2. С. 351–354, 390-394

Политическая экономия рассматривает вопросы хозяйственного снабжения людей благами, в которых они нуждаются для поддержания своей жизни. В современных капиталистических государствах оно осуществляется исключительно путем покупки и продажи *товаров*. Обладателями последних люди становятся, покупая их за деньги, составляющие их доход. Существуют самые различные виды доходов, которые, однако, можно свести в три большие группы: *капитал* приносит капиталисту из года в год *прибыль*, *земля* землевладельцу – *земельную ренту*, а *рабочая сила* – при нормальных условиях и пока она остается пригодной к употреблению – дает рабочему *заработную плату*. Таким образом, капитал для капиталиста, земля для землевладельца и рабочая сила или, скорее, самый труд для рабочего представляются тремя различными источниками их доходов: прибыли, земельной ренты и заработной платы. Доходы эти представляются как бы ежегодно потребляемыми плодами никогда не умирающего дерева или, вернее, трех деревьев; они образуют ежегодные доходы трех классов: капиталистов, землевладельцев и рабочих. Таким образом, кажется, будто стоимости, составляющие эти доходы, вырастают из капитала, земельной собственности и труда как из трех различных, независимых источников.

Для размеров снабжения людей хозяйственными благами определяющими условиями являются, очевидно, наряду с высотой доходов трех классов, еще и цены товаров, а потому и политическая экономия издавна изучает подробнейшим образом вопрос, чем определяется высота цен.

На первый взгляд этот вопрос как будто не представляет никаких трудностей. Если мы рассмотрим любой продукт промышленности, то увидим, что высота цены устанавливается тем, что фабрикант прибавляет к своей *себестоимости* обычную в его отрасли *прибыль*. Таким образом, цена зависит от высоты себестоимости и высоты прибыли.

В себестоимость фабрикант зачисляет все то, что он издержал на производство товара. Это прежде всего издержки на сырье и вспомогательные материалы для фабрикации (например, хлопок, уголь и пр.), затем – на машины, аппараты, строения; далее – то, что ему приходится платить в виде земельной ренты (например, арендная плата), и, наконец, заработная плата. Таким образом, можно сказать, что себестоимость фабриканта состоит из трех частей:

- 1) средств производства (т. е. сырья, вспомогательных материалов, машин, аппаратов, строений);
- 2) земельной ренты (которую нужно вносить в расчет и тогда, когда фабрика построена на собственной земле);
- 3) заработной платы.

При рассмотрении каждой из этих частей в отдельности обнаруживаются неожиданные затруднения. Возьмем прежде всего заработную плату. Чем она выше или ниже, тем выше или ниже себестоимость, следовательно, тем выше или ниже и цена готового товара. Но от чего зависит высота заработной платы? Скажем, от спроса и предложения рабочей силы. Спрос на рабочую силу исходит от капитала, нуждающегося в рабочих для своих предприятий. Следовательно, усиленный спрос на рабочие силы означает усиленный рост капитала. Но из чего состоит капитал? Из денег и товаров. Вернее же – так как деньги (как это будет показано ниже

подробнее) также представляют собою лишь товар, – капитал состоит просто из товаров. Чем ценнее эти товары, тем больше капитал, тем больше спрос на рабочие силы и его влияние на высоту заработной платы так же, как – учитывая последствия – и на цену фабрикантов. Чем же определяется стоимость (или цена) товаров, образующих капитал? Высотой себестоимости их изготовления. А в эту себестоимость входит и заработная плата! Таким образом, в конце концов высота заработной платы определяется высотой заработной платы или цена товаров – ценой товаров!

Можно также предположить, что заработная плата определяется ценой необходимых средств существования рабочих. Однако самые эти средства существования являются товарами, на установление цены которых влияет высота заработной платы, и, таким образом, мы впадаем в ту же ошибку.

Второй составной частью себестоимости служили для фабриканта средства производства. Едва ли требуется разъяснять, что хлопок, машины, уголь и пр. тоже товары, к которым применимо как раз то самое, что и к товарам, составляющим средства существования рабочих или капитал капиталистов.

Попытка объяснить высоту цен себестоимостью потерпела, таким образом, самую постыдную неудачу. Она приводит просто-напросто к тому, что высота цен объясняется высотой цен.

На себестоимость фабрикант накидывает обычную прибыль. Здесь все затруднения как будто бы устранены, потому что процентный уровень прибыли (норма), которую фабрикант должен вычислить, ему известен, это – обычный процент для данной отрасли производства. Конечно, это не исключает возможности того, что отдельный фабрикант вследствие особых обстоятельств может получить в единичных случаях прибыль большую или меньшую по сравнению с обычной. Но в среднем уровень прибыли во всех предприятиях одной и той же отрасли промышленности одинаков. Следовательно, в данной отрасли существует *общая средняя норма прибыли*.

Но это еще не все. Посредством конкуренции и в различных отраслях производства норма прибыли приводится к известному единообразию. Да иначе и быть не может. Ибо, как только в какой-нибудь отрасли устанавливается особенно высокая прибыль, капиталы из других отраслей промышленности, где условия не столь благоприятны, устремляются в эту привлекательную отрасль; или же постоянно вновь образующиеся капиталы, ищущие выгодного приложения, обращаются предпочтительно к таким особенно прибыльным отраслям, производство в них немедленно должно будет значительно возрасти, и, чтобы найти сбыт сильно возросшему количеству товаров, цены, а вместе с тем и прибыль должны будут понизиться. Противоположное явление должно будет наступить, когда в какой-нибудь отрасли установится особенно низкая прибыль. Капиталы станут покидать эту отрасль с возможной для них быстротой, в зависимости от этого производство в ней сократится, что должно будет повести за собой повышение цен и прибыли.

Таким образом, конкуренция способствует выравниванию норм прибыли во всех отраслях производства, и потому мы можем с полным правом говорить о *всеобщей средней норме прибыли*, которая во всех отраслях производства если не вполне, то приблизительно равна. Впрочем, это не так бросается в глаза, как равенство нормы прибыли внутри отдельной отрасли, потому что в различных отраслях могут быть очень различны общие накладные расходы, применение и изнашивание машин и пр. Может случиться, что для выравнивания этих разниц валовая прибыль (т. е. та процентная надбавка, которую капиталист действительно накладывает на вычисленную себестоимость товара) в одной отрасли окажется значительно выше или ниже, чем в других. Это маскирует истинное положение вещей. Но за вычетом различных накладных расходов в различных отраслях все же окажется приблизительно равная чистая прибыль.

Так как, таким образом, существует всеобщая средняя норма прибыли, то высота прибыли, действительно приносимой данным предприятием, согласуется с величиной капитала этого предприятия. Конечно, как уже упомянуто, не вполне безразлично, производит ли данное предприятие пушки или бумажные чулки, потому что уровень прибыли несколько колеблется в зависимости от обеспеченности помещения капитала, легкости сбыта и пр. Но эти различия не очень значительны. Предположим, что всеобщая средняя норма прибыли равна 10 %; ясно, что капитал в миллион должен принести в 10 раз больше прибыли, чем капитал в 100 000 (конечно, при условии надлежащего ведения предприятия, а также и вообще не принимая в расчет всевозможные случайные успехи или неудачи, которые могут выпасть на долю отдельных предприятий).

К этому присоединяется еще то, что приносят прибыль не только промышленные предприятия, т. е. такие, которые *производят* товары, но и торговые предприятия, являющиеся лишь посредниками при обращении товаров между производителем и потребителем. Также и банки, транспортные предприятия, железные дороги и пр. И во всех этих предприятиях, если только дело ведется надлежащим образом, прибыль согласуется с высотой вложенного капитала. Нет ничего удивительного, что в сознание тех, кто практически ведет такие дела, внедряется убеждение, что прибыль возникает некоторым образом сама собой из капитала; она вырастает из него, как плоды – из дерева, если за ним как следует ухаживают. Если же прибыль рассматривается не как естественное свойство капитала, то как плод работы капиталиста. В самом деле, мы всякий раз все снова и снова должны предполагать надлежащее ведение дела. Очень многое зависит от личной пригодности главы предприятия. Если таковая отсутствует, то прибыль отдельного предприятия легко может опуститься ниже всеобщей средней нормы, тогда как умелому руководителю, быть может, удастся поднять ее и выше этой границы.

Глава 2

Прибыль и обращение товаров

Т. III. Ч. 1. Отд. 1, 2. Т.1. Гл. 4. § 2

Каким же образом, однако, может прибыль вырасти «сама собой» из капитала? Для производства товара капиталисту требуется определенная сумма, скажем 100 руб. Пусть в этой сумме содержится вся его себестоимость, т. е., следовательно, сырье, вспомогательные материалы, заработная плата, изнашивание машин, аппаратов, строений и пр. Затем он продает готовый товар за 110 руб. Предположить, что готовый товар действительно стоит 110 руб., значило бы предположить, что эта присосная к нему стоимость возникла во время производства из ничего. В самом деле, все те стоимости, которые капиталист оплатил 100 руб., существовали уже до производства этого товара. Но такое сотворение из ничего противно здравому смыслу. Поэтому издавна и поныне в большинстве случаев придерживаются того мнения, что во время производства стоимость товара не возрастает, но что и после изготовления товара в руках у капиталиста находится такая же стоимость, как и раньше, т. е. в нашем примере 100 руб.

Откуда, однако, происходят в таком случае лишние 10 руб., которые получает капиталист при продаже товара? Ведь самый переход товара из рук продавца в руки покупателя также не может увеличить его стоимость; ведь и это было бы сотворением из ничего.

Чтобы выйти из этого затруднения, идут двумя путями; одни говорят: товар в руках покупателя действительно имеет большую стоимость, чем в руках продавца, так как у первого он удовлетворяет известную потребность, которая отсутствует у продавца; другие говорят: товар в действительности не имеет той стоимости, которую должен оплачивать покупатель; излишек отбирается у покупателя без эквивалента (т. е. равной отдаваемой взамен стоимости).

Рассмотрим оба пути. Французский писатель Кондильяк писал в 1776 г. в статье «Торговля и правительство»: «Неверно, что при товарном обмене равная стоимость обменивается на равную стоимость. Наоборот, каждый из двух контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей... Если бы действительно люди обменивались только равными стоимостями, то не получалось бы никакой выгоды ни для одного из контрагентов. На самом деле оба получают или, по крайней мере, должны получать выгоду. Каким образом? Стоимость вещей состоит лишь в их отношениях к нашим потребностям. Что для одного больше, то для другого меньше, и наоборот... Нельзя же предполагать, что мы будем выставлять на продажу вещи, необходимые для нашего собственного потребления... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы получить необходимую; мы хотим дать меньше взамен большего...»

Удивительная арифметика, что говорить! Когда двое чем-нибудь обмениваются, то каждый как будто дает другому больше, чем получает. Это значило бы: если я покупаю у портного сюртук за 20 руб., то в руках портного этот сюртук стоит меньше 20 руб., а в моих руках 20 руб.! Не помогает и та отговорка, что стоимость вещей заключается просто в их отношении к нашим потребностям. В самом деле (не говоря уже о смешении потребительной стоимости и меновой стоимости, о чем речь впереди), если даже сюртук для покупателя полезнее денег, то ведь для продавца деньги полезнее сюртука.

Если же вместо этого предположим, что товары вообще продаются по более высоким ценам, чем сколько стоят, то получаются еще более странные выводы.

Допустим, что продавец обладает необъяснимой привилегией продавать товары выше их стоимости, за 110 руб., если они стоят 100 руб., т. е. с номинальной надбавкой к цене в 10 %. Продавец получает таким способом прибавочную стоимость, равную 10. Но после того как он был продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречается с ним теперь как продавец и, в свою очередь, пользуется привилегией продавать товар на 10 % дороже.

Наш товаровладелец выиграл в качестве продавца 10, чтобы потерять в качестве покупателя те же 10. В общем, дело фактически свелось к тому, что все товаровладельцы продают друг другу свои товары на 10 % дороже их стоимости, а это совершенно то же самое, как если бы товары продавались по их стоимостям. Денежные названия, или цены товаров, возрастают, но отношения их стоимостей остаются неизменными.

Допустим, наоборот, что покупатель обладает привилегией приобретать товары ниже их стоимости. Тут нет надобности даже напоминать, что покупатель, в свою очередь, станет продавцом. Он уже был продавцом, прежде чем стал покупателем. Он уже потерял в качестве продавца 10 %, прежде чем выиграл 10 % в качестве покупателя. Все остается по-старому.

Можно возразить, что такое выравнивание потери последующим барышом имеет значение только для таких покупателей, которые потом снова продают, но что существуют ведь и люди, которым нечего продавать.

Последовательные защитники иллюзии, что прибавочная стоимость создается номинальной надбавкой к цене или привилегией продавцов продавать товары слишком дорого, предполагают поэтому существование класса, который только покупает, не продавая, следовательно, только потребляет, не производя. Но деньги, на которые постоянно покупает такой класс, должны постоянно притекать к нему от тех же товаровладельцев, и притом без обмена, даром, на основании какого-либо права или узаконенного насилия. Продавать такому классу товары выше стоимости – значит только возвращать себе часть даром отданных денег. Так, например, города Малой Азии платили Древнему Риму ежегодную денежную дань. На вырученные деньги Рим покупал у них товары, и покупал по вздутым ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей путем торговли часть уплаченной им дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им, во всяком случае, платили их же собственными деньгами. Это очень неподходящий метод обогащения или созидания прибавочной стоимости.

Конечно, этим мы отнюдь не хотим оспаривать того, что отдельные товаровладельцы могут обогащаться, обманывая покупателя или продавца.

Товаровладелец А может быть настолько ловким плутом, что всегда надувает своих коллег В и С, в то время как эти последние при всем желании не в состоянии взять реванш. А продает В вино стоимостью в 40 руб. и получает в обмен пшеницу стоимостью в 50 руб. А превратил свои 40 руб. в 50 руб., сделал из меньшего количества денег большее их количество. Но присмотримся к делу внимательнее. До обмена имелось вина на 40 руб. в руках А и пшеницы на 50 руб. в руках В, итого общая стоимость в 90 руб. После обмена мы имеем ту же самую общую стоимость 90 руб. Находящаяся в обращении стоимость не увеличилась ни на один атом, изменилось лишь ее распределение между А и В. Тот же самый результат получился бы, если бы А, не прикрываясь процессом обмена, прямо украл бы у В 10 руб. Очевидно, сумму находящихся в обращении стоимостей нельзя увеличить никаким изменением в их распределении – подобно тому как еврей, торгующий старыми монетами, ничуть не увеличит количества благородного металла в данной стране, если продаст медную монету XVIII в. за золотой. Весь класс капиталистов известной страны в целом не может наживаться, обманывая самого себя.

Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются равные стоимости, то не возникает никакой прибавочной стоимости, а если обмениваются не равные стоимости, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости. Обращение или товарообмен не создает никакой стоимости.

Во всяком случае, увеличение стоимости, обнаруживающееся после продажи товаров, не может произойти от продажи. Оно не может быть объяснено отклонением товарных цен от товарных стоимостей. Если цены действительно отклоняются от стоимостей, то необходимо прежде всего привести их к последней, т. е. не принимать во внимание этого обстоятельства как случайного, чтобы не быть сбитым с толку случайными побочными обстоятельствами. Впро-

чем, такое приведение происходит не только в науке. Постоянные колебания рыночных цен, их подъем и падение взаимно уравниваются и сами собой приводятся к средней цене как к своему внутреннему правилу. Средняя цена является путеводной звездой, например, для торговца или промышленника в каждом предприятии, рассчитанном на продолжительное существование. Он знает, следовательно, что если взять в расчет продолжительный период в целом, то товары на самом деле будут продаваться не ниже и не выше, а по их средней цене. Точно так же и происхождение прибыли, увеличение стоимости должно быть объяснено при том предположении, что товары продаются по их действительным стоимостям. Но в таком случае, очевидно, прибавочная стоимость должна быть создана уже в процессе производства. Товар уже в момент, когда он изготовлен и находится еще в руках своего первого продавца, должен стоить столько, сколько за него платит в конце концов последний покупатель, потребитель. Другими словами, стоимость товара должна быть выше, чем себестоимость для фабриканта; во время производства товара должна возникать новая стоимость.

Это приводит нас к вопросу: каким образом вообще возникает стоимость товаров?

Глава 3

Потребительная стоимость и меновая стоимость. Общественно необходимый труд

Т. I. Гл. 1, 2

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая по своим свойствам способна удовлетворить какую-либо человеческую потребность.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., можно рассматривать с двух точек зрения: с качественной и количественной. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами.

Полезность данной вещи делает ее *потребительной стоимостью*. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само является потребительной стоимостью или благом.

Меновая стоимость прежде всего представляется в виде количественного соотношения, в котором потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода. Определенное количество одного товара обыкновенно обменивается на то или другое количество другого товара: это и есть их меновая стоимость – отношение, постоянно изменяющееся в зависимости от времени и места. Меновая стоимость кажется поэтому чем-то случайным и совершенно относительным, т. е., как это выразил Кондильяк, она, по-видимому, «состоит в отношении товаров к нашим потребностям». Внутренняя, присущая товару меновая стоимость кажется бессмыслицей. Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например 1 центнер пшеницы, в самых различных пропорциях обменивается на другие товары – например, на 20 фунтов сапожной ваксы, или на 2 аршина шелка, или на $\frac{1}{2}$ унции золота и т. д. Следовательно, пшеница обладает разнообразными меновыми стоимостями. Но так как эти определенные количества ваксы, шелку, золота и т. д. представляют собой меновую стоимость одного центнера пшеницы, то они должны быть меновыми стоимостями одинаковой величины. Отсюда следует, во-первых, что подходящие меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое, а во-вторых, что за меновой стоимостью должно скрываться некоторое содержание, которое она только выражает.

Возьмем далее два товара, например, пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается к известному количеству железа, например 1 центнер пшеницы = 2 центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах – в 1 центнере пшеницы и в 2 центнерах железа – существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первой, ни второй из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, может быть сведена к этому третьему.

Этой общей основой не может быть ни одно из природных свойств товаров. Их телесные свойства подлежат здесь рассмотрению вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т. е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что в меновом соотношении потребительная стоимость товаров оставляется совершенно в стороне. В этом случае каждая данная потребительная стоимость играет совершенно ту же роль, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик *Барбон* (1696 г.): «Один сорт товаров так же хорош, как

и другой, если одинаковы их меновые стоимости. . . Количество железа или свинца на сто руб. имеет такую же меновую стоимость, как количество серебра или золота на сто руб.».

Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия.

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они – *продукты труда*. Но с этой точки зрения и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от его потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех его материальных составных частей и форм, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт работы столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного *определенного* производительного труда. Теперь это лишь продукт просто человеческого труда, абстрактного человеческого труда, т. е. продукт затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты, безотносительно к тому, затрачивается ли она столяром, каменщиком, прядильщиком и т. д. Эти вещи представляют теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд.

Итак, потребительная стоимость или благо имеет стоимость лишь потому, что в ней овеществляется абстрактный человеческий труд. Как же измерить величину ее стоимости? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой «созидающей стоимость субстанции». Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, меру в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее и неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем, или общественно необходимое, рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда. Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как и прежде, но теперь продукт его индивидуального рабочего часа представлял лишь половину по сравнению с общественным рабочим часом, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Итак, величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда или количеством рабочего времени, *общественно необходимого* для его изготовления. Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода. Следовательно, товары, в которых содержатся равные количества труда или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени,

необходимому для производства второго. «Как стоимости все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени».

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы неизменной, пока рабочее время, необходимое для его производства, было бы неизменно. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим – средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в двойном количестве пшеницы по сравнению с неблагоприятным годом. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных, и т. д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в небольшом объеме они представляют много труда. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов, а следовательно, понизило бы стоимость последних. Если удастся с небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза может упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного товара, тем меньше содержащаяся в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления товара, тем больше его стоимость.

Вещь может быть потребительной стоимостью, не будучи стоимостью. Таково положение, когда ее полезность доступна для человека без труда. Таковы: воздух, девственная почва, естественные луга, дико растущий лес и т. д. Вещь может быть полезностью и продуктом человеческого труда, не будучи товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает лишь потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. Наконец, никакая вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.

Глава 4

Покупка и продажа рабочей силы

т. 1. Гл. 4. § 3

Мы видели, что стоимость товара есть не что иное, как содержащийся в нем человеческий труд; возвратимся теперь к вопросу, почему фабрикант может извлечь из производства своего товара большую стоимость, чем какую он в него вложил.

Вспомним самую постановку вопроса: для производства определенного товара капиталисту нужна определенная сумма, скажем 100 руб. После того он продает готовый товар за 110 руб. Так как исследование показало, что излишняя стоимость в 10 руб. не могла возникнуть в процессе обращения товаров, то она должна возникать в процессе производства. Таким образом, задача состоит в том, чтобы показать, каким образом это происходит.

Правда, проблема эта уже частью разрешена, поскольку мы знаем, что стоимость создается общественно необходимым трудом. Для того чтобы из наличных средств производства, например прядильных машин и хлопка вместе с вспомогательными материалами, создать пряжу – на прядение затрачивается труд. Поскольку этот труд общественно необходим, он порождает стоимость. Следовательно, он присоединяет к существующим уже материалам для производства – в данном случае сырому хлопку – *новую стоимость*, перенося в то же время на пряжу стоимость изношенных машин и пр. Остается, однако, то затруднение, что капиталист, по-видимому, оплатил в своей себестоимости и вновь затраченный труд. В самом деле, кроме стоимости машин, построек, сырья и пр., в его себестоимости фигурирует и заработная плата. И эту последнюю он выплачивает за произведенный труд прядения. Таким образом, все стоимости, существующие после производства, как будто существовали уже и до него.

Однако, ясно, что стоимость, вновь порожденная трудом прядения, не необходимо должна соответствовать той стоимости, которую капиталист уплачивает как заработную плату. Она может быть либо больше, либо меньше. Если бы она оказалась больше, то мы нашли бы здесь происхождение прибавочной стоимости.

Но разве мы не сделали предположения, что при всяких покупках и продажах уплачивается настоящая стоимость. Разве мы не убедились, что хотя отклонения цен от стоимостей нередко происходят, но они ничего нам не объясняют? Поэтому и такой случай, что капиталист оплачивает рабочего ниже его стоимости, – как бы часто такие случаи ни происходили – здесь должен рассматриваться лишь как исключение. Возникновение прибавочной стоимости должно быть объяснено и для нормального случая, когда капиталист уплачивает полную стоимость того, что он покупает за заработную плату. Поэтому необходимо поближе рассмотреть этот особенный случай купли-продажи, происходящей между капиталистом и рабочим.

То, что капиталист получает в свое распоряжение, уплачивая заработную плату, т. е. что он покупает у рабочего, это работоспособность, или рабочая сила этого последнего.

Но для того чтобы владелец денег мог купить рабочую силу, должны быть выполнены различные предпосылки. Рабочая сила может появиться на рынке в виде товара лишь тогда и лишь постольку, когда и поскольку она выносятся на рынок или продается своим собственным владельцем. Чтобы ее владелец мог продавать ее как товар, он должен иметь возможность распоряжаться ею, следовательно, должен быть свободным собственником своей способности к труду, своей личности. Собственник рабочей силы и собственник денег встречаются на рынке и вступают между собой в сделку как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один покупает, в то время как другой продает, следовательно, как юридически равные лица. Длительное существование этого рода отношения требует, чтобы собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что если бы он продал ее

целиком, раз навсегда, то он продал бы вместе с тем самого себя, превратился бы из свободного человека в раба, из товаровладельца – в товар.

Второе существенное условие, необходимое для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу в качестве товара, состоит в том, чтобы владелец рабочей силы был лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и вместе с тем был бы вынужден продавать в виде товара самую рабочую силу, которая существует лишь в его живом организме. А это произойдет в том случае, если он не будет обладать никакими средствами производства, например сырыми материалами, орудиями труда и т. д., которые нужны ему для производства товаров, а также никакими средствами к жизни, с помощью которых он мог бы поддержать свое существование вплоть до изготовления и продажи товаров.

Таким образом, владелец денег должен найти на рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: во-первых, он должен, как свободная личность, располагать своей рабочей силой как своим товаром, во-вторых, не должен иметь для продажи никакого другого товара, должен быть гол как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения рабочей силы.

Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит на товарном рынке владельцу денег, не интересует последнего. И нас он пока интересует столь же мало. Одно во всяком случае ясно: природа не производит, с одной стороны, владельцев денег и товаров, с другой стороны – владельцев одной только собственной рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства.

Этот своеобразный товар, рабочая сила, подлежит теперь нашему ближайшему рассмотрению. Подобно всем другим товарам, он обладает стоимостью. Чем определяется последняя?

Стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для ее производства, а следовательно, и воспроизводства. Рабочая сила существует только как способность живого индивидуума, т. е. предполагает его существование. Если индивидуум существует, то рабочая сила порождается его собственным существованием. Для поддержания своего существования живой индивидуум нуждается в известной сумме средств существования. Таким образом, *рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится к рабочему времени, необходимому для производства этих средств существования, или стоимость рабочей силы есть стоимость средств существования, необходимых для поддержания жизни ее владельца.* Сумма средств существования должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д. – различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, зависят по большей части от культурного уровня страны, между прочим, и существенным образом также от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам, определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода среднее количество необходимых для рабочего средств существования есть величина данная.

Собственник рабочей силы смертен. Следовательно, чтобы при всем том постоянно иметься на рынке – а в этом как раз и нуждаются постоянные потребности капитала, – рабочие силы, удаляющиеся с рынка вследствие изнашивания и смерти индивидуумов, должны замещаться всегда, по меньшей мере – таким же количеством новых рабочих сил. Сумма средств

существования, необходимых для производства рабочей силы, включает в себя поэтому средства существования таких заместителей, т. е. детей рабочих. Далее, сюда же относятся издержки на образование для усвоения искусства и навыков, требующихся для определенной отрасли труда; эти издержки обучения для обычной рабочей силы, во всяком случае, совершенно ничтожны.

Итак, стоимость рабочей силы сводится к стоимости определенной суммы средств существования. Она изменяется поэтому с изменением стоимости этих средств существования, т. е. с изменением величины рабочего времени, необходимого для их производства.

Часть средств существования, например пищевые продукты, топливо и т. д., потребляется ежедневно и потому ежедневно же должна возмещаться. Другие средства существования, как платье, мебель и т. д., потребляются в течение более или менее продолжительных промежутков времени, а потому и подлежат возмещению лишь по истечении более продолжительного времени. Одни товары покупаются или оплачиваются ежедневно, другие еженедельно, раз в четверть года и т. д. Но как бы ни распределялась сумма этих расходов в течение, например, года, она должна быть покрыта из обычных, средних, поступающих изо дня в день получений.

Следовательно, действительную дневную стоимость рабочей силы мы получим, сложив стоимость всех необходимых средств существования, потребляемых рабочим в течение года, и разделив полученную сумму на 365. Пусть в этой необходимой для среднего дня товарной массе заключено 6 часов общественного труда; тогда в рабочей силе ежедневно овеществляется половина дня общественного среднего труда, т. е. требуется половина рабочего дня для ежедневного производства рабочей силы⁶. Это количество труда, необходимое для ежедневного производства рабочей силы, составляет ее дневную стоимость, или стоимость ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня среднего общественного труда выражается в массе золота в 3 шилл., или в 1 руб. 50 коп., то 1 руб. 50 коп. есть цена, соответствующая дневной стоимости рабочей силы. Если владелец рабочей силы ежедневно продает ее за 1 руб. 50 коп., то ее продажная цена равна ее стоимости, и, по нашему предположению, владелец денег действительно уплачивает эту стоимость.

Своеобразная природа товара рабочей силы выражается в том, что по заключении контракта между покупателем и продавцом ее потребительная стоимость не переходит еще фактически в руки покупателя. Ее потребительная стоимость состоит лишь в ее позднейших активных проявлениях. Таким образом, отчуждение силы и ее реальное проявление разделяются во времени. Но при продаже таких товаров, формальное отчуждение потребительной стоимости которых отделяется во времени от ее фактической передачи покупателю, уплата денег в большинстве случаев производится также лишь впоследствии. Во всех странах с капиталистическим способом производства рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала, например, в конце каждой недели. Таким образом, везде рабочий авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы; он предоставляет покупателю потреблять свою рабочую силу раньше, чем последний уплатил ее цену. Таким образом, везде рабочий кредитует капиталиста.

⁶ Необходимо читать это место очень внимательно. Г-н д-р права Фридрих Клейнвехтер, королевско-императорский австр. гофрат и профессор Черновицкого университета Франца-Иосифа, понял это так, будто Маркс *утверждает*, что рабочий в течение г; каких-нибудь 6 часов производит 10, в чем нуждается для поддержания своей жизни! (см. книгу г-на профессора «Lehrbuch der Nationalökonomie», с. 153). – *Прим. сост.*

Глава 5

Как возникает прибавочная стоимость

Т. I. Гл. 5

Потребление рабочей силы – это самый труд. Покупатель рабочей силы потребляет ее, заставляя работать ее продавца. Взором знатока капиталист выбрал средства производства и рабочие силы, требующиеся для его особого предприятия: прядильни, фабрики сапог и т. д., и заставляет рабочего потреблять посредством своего труда средства производства. Он должен на первых порах взять рабочую силу такую, какою он находит ее на рынке, а следовательно, и труд должен взять таким, каким он развился в тот период, когда еще не было капиталистов. Изменение самого способа производства, как результат подчинения труда капиталу, может совершиться лишь позже, а потому подлежит рассмотрению лишь в позднейшее время.

Процесс труда как потребления рабочей силы капиталистом представляет две своеобразные особенности.

Рабочий работает под контролем капиталиста, последний наблюдает за тем, чтобы работа совершилась в надлежащем порядке и чтобы средства производства потреблялись целесообразно. Иными словами: свобода и самостоятельность рабочего в процессе труда исчезает.

А во-вторых, продукт есть собственность капиталиста, а не рабочего. Так как капиталист, согласно нашему предположению, оплачивает дневную стоимость рабочей силы, то ему принадлежит и ее потребление. Точно так же ему принадлежат и другие элементы, необходимые для производства продукта, – средства производства. Следовательно, процесс труда совершается между вещами, которые все сполна куплены капиталистом, а потому и продукт составляет его собственность. Этот продукт есть известная потребительная стоимость – пряжа, сапоги и т. д. Но хотя сапоги, например, некоторым образом образуют основу общественного прогресса и хотя наш капиталист – решительный прогрессист, он тем не менее фабрикует сапоги не ради них самих. Потребительные стоимости вообще производятся здесь лишь потому и постольку, что и поскольку они являются носителями меновой стоимости. И наш капиталист заботится о двоякого рода вещах. Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, товар. И во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои кровные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость.

Мы знаем, что стоимость всякого товара определяется количеством заключающегося в нем труда. Это относится и к продукту, который получен нашим капиталистом как результат процесса труда. Следовательно, необходимо прежде всего вычислить труд, овеществленный в этом продукте.

Пусть это будет, например, пряжа. Для производства пряжи необходим был прежде всего соответствующий сырой материал, например 10 фунтов хлопка. Какова стоимость хлопка, этого здесь не приходится отыскивать, потому что капиталист купил его на рынке по его стоимости, например за 10 руб. В цене хлопка труд, необходимый для его производства, уже получил выражение как средний общественный труд. Предположим далее, что потребленные при переработке хлопка орудия труда – веретена и т. п. – имеют стоимость в 2 руб. Если количество золота в 12 руб. составляет продукт 24 рабочих часов или двух рабочих дней, то из этого следует, что в пряже овеществлены 2 рабочих дня.

Рабочее время, необходимое для производства хлопка, есть часть рабочего времени, необходимого для того, чтобы из этого сырого материала произвести пряжу, и потому оно

заключается в пряже. Точно так же обстоит дело с рабочим временем, необходимым для производства того количества веретен, без изнашивания которого хлопок не может быть превращен в пряжу. Однако предполагается, что затрачено лишь рабочее время, необходимое при данных общественных условиях производства. Следовательно, если бы необходим был только 1 фунт хлопка для того, чтобы выпрясть 1 фунт пряжи, то на образование 1 фунта пряжи может быть потреблен только 1 фунт хлопка. Так же обстоит дело и с веретенами. Если бы капиталисту пришла фантазия применять золотые веретена вместо железных, то в стоимость пряжи входил бы тем не менее лишь общественно необходимый труд, т. е. рабочее время, необходимое для производства железных веретен.

Теперь дело идет о той части стоимости, которую самый труд прядильщика присоединяет к хлопку.

Мы предполагаем, что труд прядения есть простой труд, средний общественный труд. Позже мы увидим, что противоположное предположение несколько не изменяет дела.

Решающее значение имеет, чтобы во время превращения хлопка в пряжу потреблялось только общественно необходимое рабочее время. Если при нормальных условиях производства $1\frac{2}{3}$ фунта хлопка в течение одного рабочего часа должны быть превращены в $1\frac{2}{3}$ фунта пряжи⁷, то значение 12-часового рабочего дня приобретает только такой рабочий день, который $1\frac{2}{3} \times 12$ фунтов хлопка превращает в $1\frac{2}{3} \times 12$ фунтов пряжи. Потому что только общественно необходимое рабочее время идет в счет как образующее стоимость.

То обстоятельство, что труд есть именно труд прядения, материал его – хлопок, а продукт – пряжа, совершенно безразлично с точки зрения образования стоимости. Если бы рабочий был занят не в прядильной мастерской, а в угольной шахте, то предмет труда – уголь – был бы дан природой. И, тем не менее, определенное количество выломанного из залежей угля, например один центнер, представляло бы определенное количество впитанного труда.

При продаже рабочей силы предполагалось, что ее дневная стоимость = 3 руб., что в последних воплощено 6 рабочих часов, и, следовательно, это количество труда требуется для того, чтобы произвести среднюю сумму средств существования рабочего на один день. Если наш прядильщик в течение одного рабочего часа превращает $1\frac{1}{3}$ фунта хлопка в $1\frac{2}{3}$ фунта пряжи, то в 6 часов он превратит 10 фунтов хлопка в 10 фунтов пряжи. Следовательно, во время процесса прядения хлопок впитывает 6 рабочих часов. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 3 руб. Итак, к хлопку самым прядением присоединена стоимость в 3 руб.

Посмотрим теперь на общую стоимость продукта этих 10 фунтов пряжи. В них овеществлено $1\frac{1}{2}$ рабочего дня, 2 дня содержится в хлопке и в веретенах, $\frac{1}{2}$ рабочего дня впитано во время процесса прядения. Это же самое рабочее время выражается в количестве золота в 15 руб. Следовательно, цена этих 10 фунтов пряжи, соответствующая их стоимости, составляет 15 руб., цена 1 фунта пряжи – 1 руб. 50 коп.

Наш капиталист смущен. Стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. Авансированная стоимость не увеличилась, не произвела прибавочной стоимости. Цена этих 10 фунтов пряжи равна 15 руб., и 15 же руб. были израсходованы: 10 руб. на хлопок, 2 руб. на потребленное количество веретен и 3 руб. на рабочую силу.

Капиталист скажет, быть может, что он авансировал свои деньги с тем намерением, чтобы сделать из них большее количество денег. Но ведь дорога в ад вымощена добрыми намерениями, и у него точно так же могло бы появиться намерение добывать деньги, не производя. Он начинает грозить. Во второй раз его уже не проведут. В будущем он станет покупать товары на рынке готовыми, вместо того чтобы заниматься их производством. Но что, если все его

⁷ Цифры здесь совершенно произвольны.

брatья-капиталисты сделают точно так же, – где тогда найдет он товары на рынке? А питаться деньгами он не может. Он пускается в поучения. Следует принять во внимание его воздержание. Он мог бы промотать свои 15 руб. Вместо того он потребил их производительно и сделал из них пряжу. Но ведь зато и имеется у него теперь пряжа вместо угрызений совести. Кроме того, где ничего нет, там и император утрачивает свое право. Какова бы ни была заслуга его отречения, не получается ничего, чем можно было бы особо оплатить его, потому что стоимость продукта, выходящего из процесса, равна только сумме товарных стоимостей, брошенных в этот процесс. Пусть же он успокоится на том, что добродетель есть воздаяние добродетели. Но вместо того капиталист становится навязчивее. Пряжа ему не нужна. Он производил ее для продажи. Ну что же, пусть он продает ее или, что еще проще, производит в будущем только вещи для своего собственного потребления. Но капиталист упрямо становится на дыбы. Уж не рабочий ли своими собственными руками творит миражи товаров, производит их из ничего? Не он ли, капиталист, дал ему материал, в котором и посредством которого рабочий только и мог воплотить свой труд? А так как наибольшая часть общества состоит из таких голяков, то не оказал ли он своими средствами производства, своим хлопком и своими веретенами неизмеримую услугу обществу и самому рабочему, которого он, кроме того, снабдил еще средствами существования? И не следует ли ему поставить в счет эту услугу? Но разве рабочий, со своей стороны, не оказал ему услуги, превратив хлопок и веретена в пряжу? Кроме того, дело здесь вовсе не в услугах. Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости – товара ли, или труда. Но здесь перед нами меновая стоимость. Капиталист уплатил рабочему стоимость в 3 руб. Рабочий возвратил ему точный эквивалент в виде стоимости в 3 руб., присоединенной к хлопку, возвратил ему стоимость за стоимость. Наш друг, который только что кичился своим капиталом, вдруг принимает непритязательный вид своего собственного рабочего. Да разве сам он не работал? Не исполнял труд надзора и наблюдения за прядильщиком? И разве этот его труд не создает, в свою очередь, стоимости? Но тут его собственный надсмотрщик и его управляющий пожимают плечами. Однако он с веселой улыбкой уже снова принял свою старую физиономию. Он просто дурачил нас всеми жалобами. Все это не стоит гроша. Эти и тому подобные пустые увертки и бессодержательные уловки он предоставляет профессорам политической экономии, которые, собственно, за это и оплачиваются. Сам же он – практический человек, который хотя и не всегда обдумывает, что он говорит в том случае, когда это не касается его дел, но всегда знает, что он делает в своей деловой сфере.

Присмотримся к делу поближе. Дневная стоимость рабочей силы составляла 3 руб., потому что в ней овеществлена половина рабочего дня, т. е. потому, что средства существования, ежедневно необходимые для производства рабочей силы, стоят половину рабочего дня. Но прошлый труд, который заключался в рабочей силе, и тот живой труд, который она может выполнить, ежедневные издержки по ее сохранению и ее ежедневная затрата – это две совершенно различные величины. Первая определяет ее меновую стоимость, вторая составляет ее потребительную стоимость. То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Стоимость рабочей силы и ее использование в процессе труда суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости. Ее полезное свойство, ее способность производить пряжу или сапоги только потому было неизбежным условием, что для созидания стоимости необходимо затратить труд в полезной форме. Но решающее значение имела специфическая потребительная стоимость этого товара, его свойство быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам. Это та специфическая услуга, которой ожидает от него капиталист. И он действует при этом соответственно вечным законам товарного обмена. В самом деле, продавец рабочей силы, подобно продавцу всякого другого товара, реализует его меновую стоимость и отчуждает его потреби-

тельную стоимость. Потребительная стоимость рабочей силы, самый труд, так же не принадлежит ее продавцу, как потребительная стоимость проданного масла – торговцу маслом. Владелец денег оплатил дневную стоимость рабочей силы, поэтому ему принадлежит потребление ее в течение дня, дневной труд. То обстоятельство, что дневное содержание рабочей силы стоит только половину рабочего дня, между тем как рабочая сила может действовать, работать целый день, что поэтому стоимость, создаваемая потреблением рабочей силы в течение одного дня, вдвое больше, чем ее собственная дневная стоимость, представляет лишь особое счастье для покупателя, но не составляет никакой несправедливости по отношению к продавцу.

Наш капиталист заранее предвидел этот казус, который как раз и заставил его улыбнуться. Поэтому рабочий находит в мастерской необходимые средства производства не только для шестичасового, но и для двенадцатичасового процесса труда. Если 10 фунтов хлопка впитывали 6 рабочих часов и превращались в 10 фунтов пряжи, то 20 фунтов хлопка впитают 12 рабочих часов и превратятся в 20 фунтов пряжи. Рассмотрим продукт удлиненного процесса труда. В этих 20 фунтах пряжи теперь ошестествлено 5 рабочих дней: 4 – в потребленном количестве хлопка и веретен, 1 впитан хлопком во время процесса прядения. Но денежное выражение 5 рабочих дней представляют 30 руб. Следовательно, именно такова цена этих 20 фунтов пряжи. Фунт пряжи по-прежнему стоит 1 руб. 50 коп. Но сумма стоимостей товаров, брошенных в процесс, составляла 27 руб., стоимость пряжи составляет 30 руб. Стоимость продукта возросла на $\frac{1}{9}$ по сравнению с авансированной на его производство стоимостью. Таким образом, 27 руб. превратились в 30 руб. Они принесли прибавочную стоимость в 3 руб. Наконец фокус удался.

Все условия проблемы нашли решение, и законы товарного обмена нисколько не нарушены. Равная стоимость обменивалась на равную стоимость. Капиталист, как покупатель, оплачивал всякий товар – хлопок, веретена, рабочую силу – по его стоимости. Потом он сделал то, что делает всякий другой покупатель товаров. Он потребил их потребительную стоимость. Процесс потребления рабочей силы, который является в то же время и процессом производства товара, дал продукт, 20 фунтов пряжи, стоимостью в 30 руб. Теперь капиталист возвращается на рынок, на котором он раньше купил товар, и продает товар. Он продает фунт пряжи по 1 руб. 50 коп., ни на грош не дороже и не дешевле его стоимости. И тем не менее он извлекает из обращения на 3 руб. больше, чем первоначально бросил в него.

Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта. Если процесс образования стоимости продолжается лишь до того пункта, когда уплаченная капиталом стоимость рабочей силы будет возмещена новым эквивалентом, то это будет простой процесс образования стоимости. Если же процесс создания стоимости продолжается далее этого пункта, то он становится процессом увеличения стоимости.

Однако труд будет считаться образующим стоимость лишь постольку, поскольку время, затраченное на производство потребительной стоимости, общественно необходимо. Рабочая сила должна функционировать при нормальных условиях. Если прядильная машина является общественно господствующим средством труда при прядении, то рабочему нельзя вручать старинную прялку. Он должен получить хлопок нормальной доброты, а не хлам, который рвется каждую минуту. Иначе ему в том и другом случае на производство одного фунта пряжи пришлось бы затратить более рабочего времени, чем общественно необходимое время, но это излишнее время не создало бы стоимости или денег. Далее, самая рабочая сила должна быть нормальной. В той специальности, в которой она применяется, она должна обладать установившейся средней степенью искусства, подготовки и быстроты. Она должна затрачиваться с обычной средней степенью напряжения, с общественно обычной степенью интенсивности. Капиталист наблюдает за этим с такой же заботливостью, как и за тем, чтобы ни одна минута не

расточалась даром, без труда. Он купил рабочую силу на определенный срок. Он хочет получить то, что принадлежит ему. Он не хочет, чтобы его обкрадывали. Наконец, не должно иметь места нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что расточенный материал и расточенные средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного труда, следовательно, не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта.

Уже раньше было отмечено, что с точки зрения процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд, или более сложный труд. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создает прибавочную стоимость⁸.

⁸ Различие между более сложным и более простым, квалифицированным и неквалифицированным трудом отчасти основывается просто на иллюзиях или по меньшей мере на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, благодаря чему они не в состоянии, как другие, вынудить оплату своей рабочей силы по ее стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что положение одних и тех же видов труда изменяется. Так, например, где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; например, труд (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд рабочего, стригущего Манчестер, хотя он требует большого физического напряжения и, кроме того, нездоров, фигурирует как простой труд. Впрочем, не следует воображать, что так называемый квалифицированный труд занимает количественно значительное место в национальном труде. Ленг вычисляет, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 миллионов основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т. д. из 18 миллионов, составлявших цифру населения во время появления его работы, останется 4 650 000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т. д. Чтобы получить эти 42/3 миллиона, он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т. д., всех лучше оплачиваемых «фабричных рабочих»! Даже и каменщики попадают в категорию «квалифицированных рабочих». После этого у него остаются упомянутые 11 миллионов (*Laing S. National Distress etc. London, 1844*). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (*Милль Джс. Колония//Прибавление к Британской энциклопедии, 1831*).

Глава 6

Постоянный и переменный капитал. Основной и оборотный капитал

Т. I. Гл. 6, 7. Т. III. Ч. 1. Гл. 8-10. Т. II. Гл. 8

После того как мы узнали, что прибавочная стоимость образуется в производстве товаров и каким образом она образуется, ясно, что величина прибавочной стоимости в каждом отдельном предприятии должна быть различной, притом безотносительно к величине капитала. В самом деле, мы видели, что прибавочная стоимость возникает только из живого вновь затрачиваемого труда, а не из имеющихся уже в наличности средств производства. В нашем примере с хлопчатобумажным прядильщиком капиталист заплатил за все средства производства (хлопок и орудия труда) 24 руб.; заработная же плата равнялась 3 руб. Труд прядения ничего не изменил в 24 руб., т. е. в стоимости средств производства; он перенес ее в совершенно той же величине в пряжу. Напротив, 3 руб. заработной платы были потреблены, и вместо них появилась новая стоимость в 6 руб.

Итак, та часть капитала, которую капиталист превращает в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, не изменяет величины своей стоимости в процессе производства. Поэтому мы называем ее *постоянным капиталом*.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, изменяет свою стоимость в процессе производства. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того излишек, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может быть большей или меньшей. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому мы называем ее *переменным капиталом*.

Но ясно, что в различных отраслях производства на одно и то же количество заработной платы (переменного капитала) могут приходиться самые различные количества средств производства (постоянного капитала). На машиностроительном заводе масса средств производства, перерабатываемых одной рабочей силой, будет иная, чем на бумагопрядильне, в каменноугольном руднике опять-таки иная и т. д. Следовательно, «*органический состав*» капитала (так мы будем называть отношение между постоянной и переменной частью капитала) в различных отраслях различен. Здесь не только мыслимы, но и действительно существуют самые разнообразные условия.

Представим себе три различных капитала (из трех различных отраслей) со следующим органическим составом.

80 с	(постоянный)	+	20 v	(переменный)
50 с	«	+	50 v	«
20 с	«	+	80 v	«

Если мы предположим, что эксплуатация рабочей силы во всех трех отраслях совершенно одинакова, следовательно, например, что повсюду рабочие силы создают ровно вдвое большую стоимость, чем какую сами получают в виде заработной платы, то получим следующий результат.

I	получает	20 <i>m</i>	(прибавочная стоимость)
II	«	50 <i>m</i>	«
III	«	80 <i>m</i>	«

Так как прибыль исчисляется в виде процентного отношения излишка ко всему процентному капиталу, то это означает прибыль в 20, 50 и 80 %.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что степень эксплуатации рабочих не везде одинакова, в одном предприятии она больше, в другом – меньше. Далее, на величину прибавочной стоимости в отдельных отраслях и даже в отдельных предприятиях влияют и другие обстоятельства – например, скорость оборота капитала, о чем мы будем говорить ниже. Из всего этого следует, что количество действительно произведенной прибавочной стоимости не может быть одинаково даже в двух соседних предприятиях, не говоря уже о различных отраслях. Каким же образом, несмотря на это, получается действительно существующая одинаковая норма прибыли?

Возьмем пять различных отраслей производства с различным органическим составом вложенных в них капиталов (предполагая, что рабочая сила во всех случаях приносит в качестве прибавочной стоимости 100 % своей собственной стоимости).

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость продукта	Норма прибыли, %
I 80 <i>c</i> + 20 <i>v</i>	20	120	20
II 70 <i>c</i> + 30 <i>v</i>	30	130	30
III 60 <i>c</i> + 40 <i>v</i>	40	140	40
IV 85 <i>c</i> + 15 <i>v</i>	15	115	15
V 95 <i>c</i> + 5 <i>v</i>	5	105	5

Мы получаем здесь для различных отраслей при одинаковой эксплуатации труда очень различные нормы прибыли.

Общая сумма капиталов, вложенных в пяти отраслях, равна 500; общая сумма произведенной ими прибавочной стоимости равна 110; общая стоимость произведенных ими товаров равна 610. Рассмотрим 500 как один-единственный капитал, по отношению к которому подразделения I-V являются только отдельными частями (как, например, это происходит в хлопчатобумажной фабрике, в различных подразделениях которой – чесальне, подготовительной мастерской, прядильне, ткацкой мастерской – существует различное отношение между постоянным и переменным капиталом, и среднее отношение для всей фабрики получается только

путем вычисления). В этом случае средний состав капитала 500 был бы = $390 c + 110 v$, или в процентах $78 c + 22 v$. Каждый из капиталов в 100, рассматриваемый лишь как $\frac{1}{5}$ всего капитала, имел бы своим составом этот средний состав $78 c + 22 v$; равным образом на каждые 100 приходилось бы 22 в качестве средней прибавочной стоимости; поэтому средняя норма прибыли была бы равна 22 % и, наконец, цена каждой пятой части всего продукта, произведенного капиталом 500, равнялась бы 122. Продукт каждой пятой части всего авансированного капитала должен был бы, таким образом, продаваться за 122.

Однако, если мы не хотим прийти к совершенно ложным выводам, мы должны принять во внимание еще одно обстоятельство.

Постоянный капитал, т. е. средства производства, сам состоит, в свою очередь, из двух существенно различных частей. Средства производства, составляющие его, – неодинакового типа. Главным образом это строения, машины, аппараты, сырье и вспомогательные материалы, иными словами – средства труда, при помощи которых производится работа, и предметы труда, к которым прилагается работа. Ясно, что средства труда играют в производстве существенно иную роль, чем предметы труда.

Уголь, которым отапливается машина, исчезает бесследно, равно как и масло, которым смазывается ось колеса, и т. д. Краски и другие вспомогательные материалы исчезают, но проявляются в свойствах продукта. Сырой материал образует субстанцию продукта, но изменяет свою форму. Короче говоря, сырой материал и вспомогательные вещества целиком потребляются в производстве; от той самостоятельной формы, в которой они вступили в процесс труда, ничего не остается. Иначе обстоит дело с орудиями труда. Инструмент, машина, фабричное здание, бочка и т. д. служат в процессе труда лишь до тех пор, пока они сохраняют свою первоначальную форму, пока они завтра могут вступать в процесс труда в той самой форме, как и вчера. Как в течение своей жизни, процесса труда, они сохраняют по отношению к продукту свою самостоятельную форму, так сохраняют они ее и после своей смерти. Трупы машин, орудий, мастерских и т. д. продолжают по-прежнему существовать отдельно от продуктов, образованию которых они содействовали. Теперь, если мы рассмотрим весь период, на протяжении которого служит такое орудие труда со дня его вступления в мастерскую и до того дня, когда его выбросят в сарай, то увидим, что его потребительная стоимость совершенно потреблена трудом в течение этого периода, а потому его меновая стоимость целиком перешла на продукт. Например, если прядильная машина в 10 лет отжила свой век, то вся ее стоимость в течение десятилетнего процесса труда перешла на продукт 10 лет. Следовательно, период жизни известного орудия труда охватывает большее или меньшее число постоянно снова и снова повторяющихся при его помощи процессов труда. Со средством труда дело обстоит так же, как с человеком. Жизнь каждого человека ежедневно убывает на 24 часа. Но на человеке не написано, сколько дней его жизни уже убыло. Однако, это не препятствует обществам страхования жизни делать очень верные и, что еще важнее, очень выгодные выводы из средней продолжительности человеческой жизни. То же и с орудиями труда. Из опыта известно, сколько времени может просуществовать в среднем выводе известное средство труда, например известного рода машина. Предположим, что она сохраняет свою потребительную стоимость в процессе труда только 6 дней. В таком случае она в среднем утрачивает за каждый рабочий день $\frac{1}{6}$ своей потребительной стоимости и потому передает дневному продукту $\frac{1}{6}$ своей стоимости. Таким способом исчисляется снашивание всех орудий труда.

Отсюда с полной ясностью видно, что средство производства никогда не отдает продукту больше стоимости, чем оно утрачивает в процессе труда вследствие уничтожения своей собственной потребительной стоимости. Если бы средство производства не имело стоимости и потому ему было бы нечего утрачивать, т. е. если бы само оно не было продуктом человеческого труда, то оно не передавало бы продукту никакой стоимости. Оно служило бы для обра-

зовании потребительной стоимости, не участвуя в образовании меновой стоимости. Так дело и обстоит поэтому со всеми средствами производства, которые даны природой, без содействия человека; с землей, ветром и водой, железом в руднике, деревом в первобытном лесу и т. д.

Однако средство труда, хотя бы и с уменьшенной меновой стоимостью, все же всегда должно участвовать в процессе производства всем своим телом. Пусть стоимость машины будет, например, 1000 руб., и пусть она снашивается в 1000 дней. В этом случае $\frac{1}{1000}$ стоимости машины ежедневно переходит с нее самой на ее дневной продукт. В то же время вся машина продолжает, хотя и с убывающей жизнедеятельностью, функционировать в процессе труда.

Таким образом, своеобразность этой части постоянного капитала – собственно средств труда – заключается в следующем: с функционированием и вытекающим из него снашиванием средств труда часть их стоимости переходит на продукт, другая же остается *фиксированной* в средствах труда и, следовательно, остается в процессе производства. Фиксированная таким образом стоимость постоянно уменьшается, пока средства труда не отслужат своей службы; поэтому стоимость их в течение более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда постоянно повторяющихся процессов труда. Но пока средства труда все еще действуют в качестве средств труда, следовательно, пока их еще не приходится заменять новым экземпляром того же самого вида, стоимость постоянного капитала все время остается фиксированной в них, между тем как другая часть первоначально фиксированной в них стоимости переходит на продукт и потому совершает обращение как составная часть стоимости товаров.

Эта часть капитальной стоимости, фиксированная в средствах труда, совершает обращение, как и всякая другая часть. Вся капитальная стоимость находится в постоянном обращении, и весь капитал является в этом смысле оборотным капиталом. Но обращение рассматриваемой здесь части капитала своеобразное. Она не обращается в своей потребительной форме – в обращение поступает только ее стоимость, и притом входит в обращение лишь постепенно, частями, в той мере, как она переходит в продукт, который обращается как товар. Во все время функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму *основного капитала*. В противоположность ему все другие составные части авансированного капитала образуют *оборотный, или текущий, капитал*.

Разумеется, разница в способе передачи различными частями капитала своей стоимости продукту должна оказать влияние и на количество прибавочной стоимости, которая производится фактически каждым отдельным капиталом. Кроме того, она способствует маскировке происхождения прибавочной стоимости⁹.

Когда капиталист рассматривает готовый товар, то при этом различие между постоянным капиталом (средствами производства) и переменным (заработной платой) не бросается ему в глаза. Правда, он знает, что из его себестоимости (*издержек производства* товара) одна часть была потрачена на средства производства, а другая – на заработную плату и что, для того чтобы продолжать производство, он должен вырученные от продажи товара деньги снова таким же образом распределить для покупки средств производства и рабочей силы. Но это ничего ему не говорит о происхождении стоимости и прибавочной стоимости. Что ему ясно, так это, скорее, лишь то, что в издержках производства товара стоимость средств производства возвращается совершенно такую же, какой она была перед началом производства. Следовательно, характерное отличие между постоянным и переменным капиталом затушевано внешней видимостью

⁹ Т. III. Ч. 1. Гл. 1.

и прибавочная стоимость, оказывающаяся в наличности по окончании производства, кажется происходящей в равной мере из всех частей капитала.

Наоборот, различие между основным и оборотным капиталом очень ярко бросается в глаза. Предположим, что первоначально у нас имеются в наличности средства труда стоимостью в 1200 руб., а кроме того, сырье и пр. на 380 руб. и рабочая сила на 100 руб. Допустим, далее, что изнашивание средств труда при этом процессе производства равно 20 руб. Тогда издержки производства продукта составляют: 20 руб. – снашивание средств труда + 380 руб. – сырье и вспомогательные материалы + 100 руб. – заработная плата = 500 руб. Эта стоимость в 500 руб. (не причисляя еще к ней прибавочной стоимости) находится в руках капиталиста в виде готового товара. Но, кроме того, существуют машины, фабричные здания и пр. стоимостью в 1180 руб.¹⁰ Это обстоятельство совершенно невозможно упустить из виду, так что положение вещей представляется капиталисту в таком виде: 20 руб. стоимости товара возникли вследствие потребления средства труда (основного капитала), 480 руб. – вследствие потребления сырья и заработной платы (оборотного капитала). Иначе говоря, все, что я (капиталист) вкладываю в производство в виде сырья и заработной платы, я выбираю назад путем однократного производственного цикла; то же, что стоят средства труда, так в них и остается надолго и извлекается назад лишь по частям, а потому должно быть накапливаемо частями для того, чтобы по окончательном изнашивании машин и пр. снова иметь на руках эквивалент для их восстановления. Так вколачивается в голову капиталиста различие между основным и оборотным капиталом. Но в этом смысле заработная плата без всяких оговорок сходит за оборотный капитал. Так же точно, как издержки на сырье, и она должна возвращаться обратно после однократного производства и быть готовой для новой закупки рабочей силы. Так заработная плата (переменный капитал) по внешнему сходству смешивается в одну кучу с сырыми материалами (частью постоянного капитала). Теперь для поверхностного наблюдателя-практика на одной стороне оказываются строения, машины и т. д. как основной капитал, а на другой – сырье и вспомогательные материалы вместе с заработной платой как оборотный капитал. Что между заработной платой и другими частями оборотного капитала существует громадная разница – это здесь совершенно затушевывается.

¹⁰ Все цифры взяты лишь для примера. Можно с таким же успехом взять 1180 миллионов.

Глава 7

Как возникает равная прибыль

т. III. ч. 1. Гл. 9

Возвратимся к вопросу, как влияет разница между основным и оборотным капиталом на норму прибыли. Мы принимали, что весь постоянный капитал воспроизводится в стоимости продукта (что он, следовательно, целиком составляет оборотный капитал). Конечно, это при некоторых условиях возможно, но это не общее правило. Поэтому необходимо принять во внимание, что обычно из постоянного капитала потребляется лишь часть, другая же часть остается. Смотря по тому, больше или меньше эта остающаяся часть нескольких равных капиталов, будет, конечно, различна, при прочих равных условиях, и прибавочная стоимость, фактически производимая капиталами одинаковой величины. Возьмем следующую таблицу (все с тем же предположением, что норма прибавочной стоимости равна 100 %, т. е. что рабочая сила производит, кроме своей собственной стоимости, еще ровно такую же прибавочную стоимость).

Капиталы	Прибавочная стоимость	Норма прибыли, %	Снашивание, С	Стоимость товаров	Издержки производства
I 80 с + 20 v	20	20	50	90	70
II 70 с + 30 v	30	30	51	111	81
III 60 с + 40 v	40	40	51	131	91
IV 85 с + 15 v	15	15	40	70	55
V 95 с + 5 v	5	5	10	20	15
Сумма					
390 с + 110 v	110	110	-	-	-
В среднем					
78 с + 22 v	22	22	-	-	-

Если мы капиталы I—V будем опять рассматривать как один общий капитал, то, как мы видим, и в этом случае состав суммы пяти капиталов = 500 = 390 с + 110 v, следовательно, средний состав остается тем же самым = 78 с + 22 v, равным образом и средняя прибавочная стоимость = 22 %. Распределив эту прибавочную стоимость равномерно между капиталами I—V, мы получили бы следующие товарные цены.

Капиталы	Прибавочная стоимость	Стоимость товаров	Издержки производства	Цена товаров	Норма прибыли, %	Уклонение цены от стоимости
I 80 c + 20 v	20	90	70	92	22	+2
II 70 c + 30 v	30	111	81	103	22	-8
III 60 c + 40 v	40	131	91	113	22	-18
IV 85 c + 15 v	15	70	55	77	22	+7
V 95 c + 5 v	5	20	15	37	22	+17

В общей сумме товары продаются на $2 + 7 + 17 = 26$ выше и на $8 + 18 = 26$ ниже стоимости, так что отклонения цен взаимно уничтожаются благодаря равномерному разделению прибавочной стоимости, т. е. благодаря присоединению средней прибыли в 22 на каждую сотню авансированного капитала к различным издержкам производства товаров I—V; в том же самом отношении, в каком одна часть товаров продается выше, другая часть продается ниже своей стоимости. И только продажа их за такие цены делает возможным то явление, что норма прибыли во всех подразделениях I—V одинакова и равна 22 %, несмотря на различный органический состав капиталов I—V. Цены, возникающие таким образом, суть *цены производства*¹¹. Цена производства товара равняется, таким образом, издержкам его производства плюс средняя прибыль.

Таким образом, капиталисты различных отраслей производства при продаже своих товаров получают обратно в точности капитальные стоимости, затраченные на производство этих товаров. Напротив, иначе обстоит дело с прибавочной стоимостью или прибылью. Из этих последних на долю отдельного капиталиста приходится не та сумма, которая создана при производстве их товаров, но столько, сколько приходится на его капитал в соответствии с обычной средней прибылью из всей прибавочной стоимости всего класса капиталистов. Каждый авансированный капитал, каков бы ни был его состав, приносит в течение года столько прибыли на 100, сколько ее за этот год приходится на каждую сотню всего капитала. Поскольку дело касается прибыли, различные капиталисты относятся здесь друг к другу как простые акционеры одного акционерного предприятия, в котором прибыль, приходящаяся на долю отдельных членов, распределяется равномерно на каждую сотню капитала; поэтому для различных капиталистов прибыли изменяются лишь в зависимости от величины капитала, вложенного каждым в общее предприятие, в зависимости от числа принадлежащих каждому акций. И таким образом, в самом обществе – если рассматривать все отрасли производства как одно целое – сумма цен производства всех товаров равна сумме их стоимостей.

Этому положению противоречит, по-видимому, тот факт, что товары, которые служат одному капиталисту средствами производства, то есть машины, сырые материалы и т. д., покупаются обыкновенно от другого капиталиста, а потому в их цене уже заключается прибыль этого последнего; следовательно – что прибыль одной отрасли промышленности входит в издержки производства другой. Но если мы подсчитаем, с одной стороны, сумму издержек

¹¹ Так мы будем называть те цены, которые получаются, если к издержкам производства капиталиста присоединить среднюю прибыль.

производства товаров в целой стране, с другой стороны – сумму всех прибылей, то, очевидно, мы получим правильный итог.

Так, например, для производства полотняных блуз необходимо полотно, а для производства последнего нужен лен. Таким образом, некоторое количество капиталистов занимается производством льна и употребляет на это капитал, равный, скажем, 100 (например, 100 000 руб.). Если норма прибыли равна 10 %, то фабриканты полотна должны будут купить этот лен за 110 и продадут его изготовителям блуз за 121. В таком случае общая сумма капитала, вложенного в эти три отрасли, составит:

В производстве	льна	100
«	полотна	110
«	блуз	121
Всего		331

Этот капитал должен приносить прибыль, общая сумма которой равна 33,1. Это достигается тем, что блузы продаются в конце концов за 133,1¹². Но из этой прибыли фабрикантам блуз достается только 12,1. Остальные 21 они должны уплатить при закупке льна производителям последнего, которые, в свою очередь, получают из них только 11, а остальные 10 отдают производителям льна. Так каждый из участвующих капиталов получает ту часть прибыли, которая принадлежит ему соответственно его величине.

Как только устанавливается общая норма прибыли и вследствие этого средняя прибыль во всех отраслях приходит в соответствие с величиной вложенного капитала, то только случайно прибавочная стоимость, действительно произведенная в определенной отрасли производства, может совпасть с прибылью, заключающейся в продажной цене товара. Как общее правило, прибыль и прибавочная стоимость являются действительно различными величинами. Масса прибавочной стоимости, произведенная в какой-либо определенной отрасли производства, имеет непосредственное значение лишь для общей суммы средней прибыли всего капитала. Для отдельных же отраслей производства или для отдельных капиталистов она важна лишь косвенно и лишь постольку, поскольку увеличенное количество прибавочной стоимости в их отрасли производства повышает общую наличную сумму прибавочной стоимости, а следовательно, повышает и среднюю прибыль. Но это есть процесс, который протекает за спиной капиталиста, которого он не видит, не понимает и которым фактически не интересуется. Таким образом, действительная разница в величине между прибылью и прибавочной стоимостью в отдельных отраслях производства совершенно скрывает истинную природу и происхождение прибыли, и не только для капиталиста, который имеет особый интерес обманываться в этом отношении, но и для рабочих. Уже вследствие того обстоятельства, что в действительности издержки производства и прибыль противопоставляются друг другу, понятие стоимости ускользает от капиталиста, потому что последний имеет перед собою не все количество труда, которого стоит производство товара, а лишь ту часть этого труда, которую он оплатил в форме живых или мертвых средств производства, и, таким образом, капиталисту прибыль представляется чем-то стоящим вне внутренней стоимости товара. Теперь это ложное представление окончательно подтверждается, упрочивается и закостеневаает, так как – если рассматривать отдельную отрасль производства, которую капиталист, естественно, только и может видеть, –

¹² В действительности, конечно, цена блуз должна быть гораздо выше. Мы приняли во внимание лишь ту часть капитала, которая требуется для закупки льна.

прибыль, надбавляемая к издержкам производства, действительно определяется не процессом созидания стоимости внутри этой отрасли, но, напротив, где-то совершенно вне ее.

В самом деле, практически каждая часть капитала действительно дает равную прибыль. Промышленный капитал дает одинаковую прибыль, каков бы ни был его состав: приводит ли он в движение четверть мертвого труда и три четверти живого или три четверти мертвого и лишь одну четверть живого, впитывает ли в одном случае втрое больше прибавочного труда или производит втрое больше прибавочной стоимости, чем в другом, – в обоих случаях прибыль будет одинакова, раз степень эксплуатации труда остается неизменной и раз мы отвлекаемся от индивидуальных различий, которые, впрочем, исчезают сами собой, так как в том и другом случае мы имеем перед собой лишь средний состав для всей отрасли производства. Отдельный капиталист, кругозор которого ограничен, справедливо полагает, что его прибыль проистекает не только из труда, применяемого им или в его отрасли производства. Это совершенно верно, поскольку дело идет о средней прибыли отдельного капиталиста. Насколько же эта прибыль обуславливается общей эксплуатацией труда всем капиталом, т. е. всеми его товарищами-капиталистами, эта зависимость является для него совершеннейшей тайной, тем более что сами теоретики буржуазии, экономисты, до сих пор ее не разоблачили. Сбережение на труде – не только на труде, необходимом для производства определенного товара, но и на числе занятых рабочих – и расширенное применение мертвого труда (постоянного капитала) представляется операцией, экономически совершенно рациональной. Каким же образом живой труд может быть исключительным источником прибыли, если уменьшение количества труда, необходимого для производства, по-видимому, при известных условиях является ближайшим источником увеличения прибыли, по крайней мере для отдельного капиталиста?

Глава 8

Способы увеличения прибавочной стоимости

Т. I. Гл. 8-10

Прибавочная стоимость создается благодаря применению рабочей силы. Капитал покупает рабочую силу и уплачивает за нее заработную плату. Когда затем рабочий работает, он производит новую стоимость, принадлежащую не ему, а капиталисту. Некоторое время он должен работать, чтобы только возместить стоимость заработной платы. Но после того как это будет достигнуто, он не складывает рук, а работает еще в течение нескольких часов в день. Новая стоимость, которую он теперь производит и которая, следовательно, превосходит сумму заработной платы, есть прибавочная стоимость.

Таким образом, капитал вынуждает производство прибавочной стоимости сначала просто путем удлинения рабочего дня за пределы «необходимого» рабочего времени («необходимого» для возмещения стоимости рабочей силы).

Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических условиях, при которых он дан ему исторически. Поэтому непосредственно он не изменяет способа производства. Производство прибавочной стоимости посредством простого удлинения рабочего дня было не менее действительным в старомодной пекарне, чем в современной бумагопрядильне.

Однако у рабочего дня есть граница. Он не может быть продлен за известный предел. Предел этот определяется двояко. Во-первых, физическими потребностями рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение 24 часов лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение известной части дня сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части дня человек должен питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т. д. За этими чисто физическими границами удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства. Рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяются общим состоянием культуры. Но как те, так и другие границы – весьма растяжимого свойства и открывают самый широкий простор. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т. е. рабочий день самой различной длины.

Постоянное стремление капитала к удлинению рабочего дня вызывает сопротивление рабочего класса и привело в Англии – стране, где впервые укрепилось капиталистическое производство, – к ожесточенной социальной и политической борьбе, которая тянулась в течение столетий.

Существуют, однако, и другие способы увеличения прибавочной стоимости – прежде всего усиленное напряжение рабочей силы, так что она оказывается вынужденной производить больше за данное время.

Хотя этот метод увеличения прибавочного труда играет очень важную роль в действительном движении заработной платы, здесь он должен быть исключен, так как, по нашему предположению, все товары – а следовательно, и рабочая сила – продаются и покупаются по их полной стоимости.

Наконец, остается еще увеличение так называемой «относительной» прибавочной стоимости. Это происходит следующим образом:

Если длина рабочего дня равна, скажем, 10 часам, из которых 6 часов возмещают стоимость рабочей силы, то в остальные 4 часа производится определенное количество прибавочной стоимости. Если удастся удлинить рабочий день до 11 часов, или за те же 10 часов выжать из рабочего большее количество работы, или проделать то и другое вместе, то количество при-

бавочной стоимости, соответственно, увеличится. В этом случае мы имеем *абсолютное* увеличение прибавочной стоимости.

Если же, напротив, невозможно удлинить рабочий день за пределы 10 часов или принудить рабочих к большей интенсивности труда, то иногда возможно бывает сократить «необходимое» рабочее время. В нашем примере оно равнялось 6 часам, так как это время было необходимо для производства средств существования, которых требует поддержание рабочей силы на 1 день. Если эти средства существования могут быть произведены в более короткий срок, с меньшей затратой труда, то вместо 6 часов для этого, быть может, достаточно будет пяти, и из 10-часового рабочего дня останется вместо четырех, 5 часов для производства прибавочной стоимости; последняя увеличилась бы в таком случае *относительно*, по отношению к рабочему дню.

Чтобы осуществить такое относительное повышение прибавочной стоимости, товары, служащие для потребления рабочего класса, должны производиться в более короткое время. Это значит, другими словами, что *производительность труда должна повыситься* так, чтобы для производства того же количества товаров требовалось меньшее количество труда.

Для этого совершенно недостаточно, чтобы капитал овладевал процессом труда в его исторически унаследованной форме и увеличивал лишь его продолжительность. Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, а вследствие этого понизилась стоимость рабочей силы и сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости.

Чтобы понизилась стоимость рабочей силы, повышение производительности труда должно захватить те отрасли промышленности, продукты которых определяют стоимость рабочей силы, т. е. или уже принадлежат к числу обычных средств существования, или могут заменить последние. Сюда принадлежат не только те отрасли промышленности, которые производят самые средства существования, но и те, которые снабжают их средствами производства, – например, стоимость сапога определяется не только трудом сапожника, но и стоимостью кожи, смолы, дратвы и т. д. Напротив, повышение производительной силы в таких отраслях производства, которые не доставляют ни необходимых средств существования, ни средств производства для их изготовления, оставляет стоимость рабочей силы без перемены.

Когда отдельный капиталист путем повышения производительной силы труда удешевляет, например, рубашки, то он, быть может, вовсе и не задается целью соответственно понизить стоимость рабочей силы, однако лишь постольку, поскольку он в конце концов содействует этому результату, он содействует повышению общей нормы прибавочной стоимости.

Таким образом, внутреннее стремление и постоянная тенденция капитала состоит в повышении производительности труда с целью удешевить товары, а посредством этого удешевить и самого рабочего.

Так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим самым разъясняется загадочный смысл того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров.

При капиталистическом производстве повышение производительной силы труда имеет целью сократить ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и как раз для того, чтобы удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой рабочий даром работает на капиталиста.

Глава 9

Переворот в способе производства, вызываемый капиталом

[Т. I. Гл. 11] 78

А) Кооперация

Капиталистическое производство начинается там, где тот же индивидуальный капитал дает занятие более значительному числу рабочих одновременно. Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически, и логически образует исходный пункт капиталистического производства. Так, например, с точки зрения самого способа производства мануфактура в начале ее развития едва ли отличается от цеховой ремесленной промышленности чем-либо иным, кроме большего количества рабочих, одновременно занятых одним и тем же капиталом. Мастерская цехового мастера лишь расширяет свои размеры.

Итак, сначала разница чисто количественная. Однако же в известных границах отвоевывает себе место и разница по существу.

В любой отрасли промышленности данный индивидуальный рабочий, Петр или Павел, более или менее отклоняется от среднего рабочего. Такие индивидуальные отклонения взаимно погашаются и уничтожаются, раз мы берем значительное число рабочих. Английский писатель Эдмунд Берк (1729–1797) утверждает даже на основании своего практического опыта в качестве фермера, что все индивидуальные различия в труде исчезают уже при совместной работе пяти сельскохозяйственных батраков, – следовательно, пять первых попавшихся английских батраков рабочего возраста выполняют в течение данного промежутка времени совершенно такую же работу, как любые пять других английских батраков. Ясно, во всяком случае, что совокупный рабочий день значительного числа одновременно занятых рабочих представляет сам по себе среднюю величину. Если, например, капиталист дает занятие 12 рабочим, каждому по 12 часов, то для капиталиста это составляет рабочий день в 144 часа, и хотя труд каждого из этой дюжины рабочих более или менее отклоняется от среднего общественного труда, хотя каждый отдельный рабочий употребляет на одно и то же дело несколько больше или несколько меньше времени, тем не менее для капиталиста рабочий день каждого отдельного рабочего составляет одну двенадцатую часть совокупного рабочего дня в 144 часа. Напротив, если из этих 12 рабочих каждая пара получит занятие у мелкого мастера, то лишь случайно каждый из этих мастеров может произвести одинаковую сумму стоимости, а следовательно, и достигнуть общей нормы прибавочной стоимости. Неизбежно обнаружатся индивидуальные отклонения. Если рабочий употребляет на производство товара значительно больше времени, чем это общественно необходимо, то его труд не может считаться средним трудом. Из шести мастеров одни выручат меньше, другие больше прибавочной стоимости, чем это соответствует общей норме прибавочной стоимости. Отклонения уравниваются для всего общества, но не для отдельного мастера. Даже при неизменном способе труда одновременное применение значительного числа рабочих вызывает революцию в вещественных условиях процесса труда. Постройки, в которых работает много людей, склады для сырого материала и т. п., сосуды, инструменты, аппараты и т. д., служащие одновременно или попеременно многим, потребляются теперь в процессе труда сообща. Их меновая стоимость ничуть не повы-

шается вследствие усиленной эксплуатации их потребительной стоимости; они от этого стоят не дороже. И эта выгода растет вместе с величиной капитала. Комната, в которой работают 20 ткачей на 20 станках, должна быть поместительнее, чем комната, в которой работает самостоятельный ткач с двумя подмастерьями. Но постройка одной мастерской на 20 рабочих стоит дешевле, чем постройка 10 мастерских на 2 рабочих каждая, и вообще стоимость средств массового и концентрированного совместного производства растет медленнее, чем размеры этих средств производства и их полезный эффект.

Поэтому употребляемые совместно средства производства переносят меньшую долю своей стоимости на единицу продукта. Вместе с тем понижается и совокупная стоимость товара. Эта экономия (сбережение) в применении средств производства возникает лишь благодаря их совместному потреблению в процессе труда многих лиц даже в том случае, если многие рабочие объединены лишь пространственно, а не совместностью самого труда.

Экономия на средствах производства представляет вообще интерес с двойкой точки зрения. С одной стороны, поскольку она удешевляет товары и тем понижает стоимость рабочей силы. С другой стороны, поскольку она изменяет отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу, т. е. к сумме стоимостей его постоянной и переменной составных частей. А так как при капиталистическом производстве условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное, то и экономия на них представляется особой операцией, которая ничуть не касается рабочего и, следовательно, обособлена от методов, повышающих его индивидуальную производительность.

Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно или сообща участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется *кооперацией*.

Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвуют одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие. Во всех таких случаях результат комбинированного труда или вовсе не может быть достигнут единичными усилиями, или может быть осуществлен лишь в течение гораздо более продолжительного времени, или же лишь в карликовом масштабе. Здесь дело идет не только о повышении индивидуальной производительной силы путем кооперации, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила.

«Если один человек вовсе не может, а 10 человек могут только с величайшим напряжением всех своих сил поднять тяжесть весом в тонну, то сто человек достигнут этого, действуя каждый лишь одним пальцем» (*Betters J. Proposals for rising a college of industrie. London, 1696. P. 21*).

Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц. Вследствие этого 12 лиц в течение одного совместного рабочего дня в 144 часа произведут гораздо больше продукта, чем 12 изолированных рабочих, работающих по 12 часов каждый, или 1 рабочий в течение 12 последовательных дней труда. Причина этого заключается в том, что человек по самой своей природе есть животное если и не политическое, как думал *Аристотель*, то, во всяком случае, общественное.

Хотя многие одновременно или совместно совершают одну и ту же или однородную работу, тем не менее индивидуальный труд каждого отдельного лица как часть совокупного труда может представлять различные фазы известного процесса труда, через которые обра-

батываемый предмет, вследствие кооперации, пробегает быстрее. Так, например, если каменщики образуют последовательный ряд для того, чтобы передавать кирпичи от основания строящегося здания до его вершины, то каждый из них делает одно и то же, и тем не менее их отдельные операции представляют связанные между собой части одной общей операции, благодаря которым кирпич, пройдя через две дюжины рук коллективного рабочего, скорее доставляется на место, чем в том случае, если бы его переносили две руки единичного рабочего, то поднимающегося на леса, то спускающегося с них. Предмет труда пробегает то же самое пространство в более короткое время. С другой стороны, комбинированный труд осуществляется и в том случае, если, например, к постройке здания приступают одновременно с разных концов, хотя бы кооперирующие работники совершали при этом один и тот же или однородный труд. При комбинированном рабочем дне в 144 часа предмет труда подвергается обработке одновременно с разных сторон, так как комбинированный или коллективный рабочий имеет глаза и руки и спереди, и сзади, обладает в известной мере вездесущим. При этом совокупный продукт подвигается к своему окончанию быстрее, чем в двенадцать двенадцатичасовых рабочих дней более или менее изолированных рабочих, которые вынуждены приступать к предмету труда более односторонне. Здесь одновременно созревают пространственно различные части продукта.

Если процесс труда сложен, то уже один факт объединения значительной массы совместно работающих позволяет распределить различные операции между различными рабочими, следовательно, совершать их одновременно и таким образом сократить рабочее время, необходимое для изготовления совокупного продукта.

«Все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, – и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого объединения усилий» (*Дестюм де Траси. Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826. С. 78*).

Во многих отраслях производства бывают критические моменты, т. е. известные, определяемые самой природою рабочего процесса периоды времени, в течение которых необходимо должен быть достигнут определенный трудовой результат. Если требуется, например, остричь стадо овец или сжать и убрать известное количество моргенов хлеба, то количество и качество получаемого продукта зависит от того, будет ли данная операция начата и закончена в известный момент времени. Промежуток времени, в течение которого должен быть совершен процесс труда, предопределен здесь заранее, как, например, при ловле сельдей. Своевременное получение результата зависит здесь от одновременного применения многих комбинированных рабочих дней, размеры полезного эффекта – от числа рабочих; последнее, однако, всегда менее числа тех рабочих, которые, работая изолированно, смогли бы в течение того же самого времени произвести ту же самую работу. Недостаток в такого рода кооперации является причиной, почему на западе Соединенных Штатов ежегодно пропадает масса хлеба, а в тех частях Ост-Индии, где английское владычество разрушило старую общину, – масса хлопка.

Кооперация, с одной стороны, позволяет расширить пространственную сферу труда, и потому при известных процессах труда ее требует уже самое расположение предметов труда в пространстве; так, например, она необходима при осушительных работах, постройке плотин, оросительных работах по орошению, при проведении каналов, грунтовых, железных дорог и т. п. С другой стороны, кооперация позволяет относительно, т. е. по сравнению с масштабом производства, пространственно сузить область производства. Это ограничение пространственной сферы труда при одновременном расширении сферы его воздействия, позволяющее сбросить значительную часть непроизводительных издержек производства, порождается сосредоточением массы рабочих, слиянием различных процессов труда и концентрацией средств производства.

По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней, комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения известного полезного эффекта. Как показывает наш обзор, такое повышение производительной силы труда возникает из самой кооперации.

Но наемные рабочие могут кооперировать лишь в том случае, если один и тот же капиталист применяет их одновременно, т. е. одновременно покупает их рабочие силы. Следовательно, совокупная стоимость этих рабочих сил или сумма заработной платы рабочих за день, неделю и т. д. должна уже находиться в кармане капиталиста раньше, чем сами эти рабочие силы будут объединены в процессе производства. Для того чтобы оплатить труд 300 рабочих сразу хотя бы за один только день, требуется большая затрата капитала, чем для того, чтобы оплачивать неделя за неделей труд меньшего числа рабочих в течение целого года. Таким образом, число кооперирующихся рабочих (или «масштаб кооперации») зависит прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы.

И это относится не только к переменному, но и к постоянному капиталу. Например, затрата сырого материала для капиталиста, имеющего 300 рабочих, в 30 раз больше, чем затрата каждого из тридцати капиталистов, имеющих по 10 рабочих. Стоимость и масса того материала, из которого состоят совместно применяемые средства труда, растут, правда, не в такой пропорции, как число занятых рабочих, однако они растут все же весьма значительно. Таким образом, концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов есть материальное условие кооперации наемных рабочих, и размеры кооперации (или «масштаб производства») зависят от степени этой концентрации.

Первоначально командование капитала над трудом представлялось лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под надзором капиталиста. С развитием кооперации многих наемных рабочих господство капитала становится необходимым для выполнения самого процесса труда, действительным условием производства. Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения.

Всякий коллективный труд в расширенном масштабе нуждается в большей или меньшей степени в управлении, которое устанавливает гармонию между индивидуальными деятельностями и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного тела, в отличие от движения его самостоятельных органов. Отдельный скрипач сам управляет собою, оркестр нуждается в дирижере. Функции управления, надзора и согласования делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным. Но как специфическая функция капитала, функция управления приобретает известные характерные особенности.

Прежде всего, движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства является возможно большее производство прибавочной стоимости и, следовательно, возможно большая эксплуатация рабочей силы капиталистом. Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих растет и их сопротивление, а следовательно, неизбежно растет и давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление. Точно так же, по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему, как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением. Кроме того, кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, применяющего этих рабочих одновременно. Связь их функций, их единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически – как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям.

Таким образом, по форме своей капиталистическое руководство деспотично. По мере развития кооперации в широком масштабе и деспотизм этот развивает своеобразные, присущие ему формы. Капиталист освобождается от ручного труда, как только капитал его достигает той минимальной величины, при которой становится возможным капиталистическое производство в собственном смысле этого слова. Подобным же образом и функция непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих переходит затем к особой категории наемных работников. Подобно армии, масса рабочих, объединенная совместным трудом под командой одного и того же капитала, нуждается в промышленных обер-офицерах (директорах, управляющих) и унтер-офицерах (мастерах, надсмотрщиках, старших рабочих), распоряжающихся во время процесса труда от имени капитала.

Как видим, надзор и управление капиталом процессом труда проистекает из двух источников: во-первых, из того, что всякий совместный труд требует управления; далее, из того, что этот совместный труд должен приносить капиталу прибавочную стоимость. Эти два случая мы должны хорошо различать и не смешивать между собой, если хотим правильно понять природу этих явлений.

Мы видели, что благодаря простому факту совместного труда многих рабочих вырастают новые производительные силы, а существующие увеличиваются. Эти преимущества возникают впервые в кооперации.

Но кооперация начинается лишь в процессе труда, а в процессе труда рабочие уже перестают принадлежать самим себе. Вступив в эту область, они сделались частью капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий в кооперации, есть производительная сила капитала. Она развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда (т. е. производительная сила, возникающая при совместной работе с другими рабочими) ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, присущей капиталу производительной силой.

В колоссальном масштабе значение простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д. «В старые времена случалось, что эти азиатские государства за погашением расходов на свои гражданские и военные надобности оказывались обладателями некоторого избытка средств существования, который они могли употреблять на сооружение великолепных или общепользующих зданий. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения, и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанными избытками принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они наполнили страну... При постановке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, передвижение которых вызывает изумление, применялся почти исключительно человеческий труд самым расточительным образом. Для этого достаточно было большого числа рабочих и сосредоточения их усилий... Неземледельческие рабочие азиатской монархии могли внести в дело почти исключительно одни только свои физические индивидуальные силы, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами положила начало вышеупомянутым гигантским сооружениям. Только благодаря концентрации в руках одного или немногих лиц тех доходов, на счет которых жили рабочие, были возможны такого рода предприятия» (*Джонс Р. Textbook of Lectures etc. Hertford, 1852. P. 77, 78*). Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту.

Те формы кооперации, господство которых в процессе труда мы находим на первых ступенях человеческой культуры, например у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой

стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем. То и другое отличает эти формы кооперации от кооперации капиталистической. Спорадическое (в единичных случаях) применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в Средних веках и современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу. Однако исторически она развивается как противоположность крестьянскому хозяйству и самостоятельному ремесленному производству. По отношению к этим формам капиталистическая кооперация выступает не как особая историческая *форма* кооперации, но дело приобретает такой вид, как будто бы кооперация вообще являлась характерной для капиталистического процесса производства особенностью.

Одновременное применение значительного числа наемных рабочих в одном и том же процессе труда образует исходный пункт капиталистического производства. Таково первое изменение, претерпеваемое действительным процессом труда при его подчинении капиталу.

Б) Разделение труда и мануфактура [Т. I. Гл. 12]

1. Двойное происхождение мануфактуры

Кооперация, основанная на разделении труда, создает свою классическую форму в *мануфактуре*, которая приблизительно с середины XVI столетия до последней трети восемнадцатого была господствующей формой капиталистического производства.

Мануфактура возникает двойным способом.

В первом случае в одной мастерской под командой одного и того же капиталиста объединяются рабочие разнообразных самостоятельных ремесел, в пределах которых протекает весь процесс выработки продукта вплоть до его окончательной зрелости. Так, например, карета была первоначально общим продуктом работ большого числа независимых ремесленников: каретника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, позументщика, стекольщика, маляра, лакировщика, позолотчика и т. д. Каретная мануфактура объединяет всех этих различных ремесленников в одной мастерской, где они совместно совершают свою работу. Конечно, карету нельзя позолотить раньше, чем она сделана. Но если одновременно производится много карет, то часть их может непрерывно подвергаться золочению, в то время как другая часть пробегает более ранние фазы процесса производства. Пока мы остаемся еще на почве простой кооперации, которая находит готовым свой человеческий и вещный материал. Но скоро наступает существенное изменение. Портной, слесарь, медник и т. д., раз он занимается *только* каретным делом, теряет мало-помалу привычку, а вместе с тем и способность заниматься своим старым ремеслом в его полном объеме. С другой стороны, его односторонняя деятельность в пределах этой суженной сферы приобретает теперь наиболее целесообразные формы. Первоначально каретная мануфактура представляла комбинацию самостоятельных ремесел. Постепенно производство карет разделяется на различные частичные операции, каждая из которых кристаллизуется в виде исключительной функции рабочего-специалиста и совокупность которых выполняется союзом таких частичных рабочих. Подобным же образом суконная мануфактура и целый ряд других мануфактур возникли путем комбинирования различных ремесел под управлением одного и того же капитала.

Но мануфактура возникает и противоположным путем. Многие ремесленники, выполняющие одну и ту же или однородную работу, например делающие бумагу, шрифт или иголки, объединяются одним капиталистом в общей мастерской. Это кооперация в ее простейшей форме. Каждый из этих ремесленников (быть может, с одним или двумя подмастерьями) изготовляет весь товар, т. е. совершает последовательно различные операции, необходимые для его изготовления. Труд его сохраняет свой старый ремесленный характер. Однако внешние обстоятельства заставляют вскоре иначе использовать сосредоточение рабочих в одном помещении и одновременность их работ. Так, например, принимаются меры к тому, чтобы в течение данного времени было доставлено большее количество готового товара. Труд поэтому разделяется. Вместо того чтобы поручать одному и тому же ремесленнику последовательное выполнение различных операций, каждая из них поручается отдельному ремесленнику, и все они, таким образом, выполняются одновременно. Это случайное разделение повторяется, обнаруживает свои специфические преимущества и мало-помалу окостеневает в виде систематического разделения труда. Из индивидуального продукта самостоятельного ремесленника, выполняющего многие операции, товар превращается в общественный продукт союза ремесленников, каждый из которых выполняет непрерывно лишь одну и ту же частичную операцию.

2. Частичный рабочий и его орудие

Если мы рассмотрим дело поближе, то нам прежде всего будет ясно, что рабочий, выполняющий всю жизнь одну и ту же простую операцию, превращает все свое тело в ее автоматически односторонний орган и потому употребляет на нее меньше времени, чем ремесленник, совершающий попеременно целый ряд операций. Но комбинированный коллективный работник, образующий живой механизм мануфактуры, состоит исключительно из таких односторонних частичных рабочих. Таким образом, по сравнению с самостоятельным ремеслом здесь в течение более короткого времени производится больше продукта, т. е. производительная сила труда повышается. Самый метод данной частичной работы совершенствуется вследствие того, что она становится исключительной функцией определенного рабочего. Постоянное повторение одной и той же несложной операции и сосредоточение внимания в этой узкой области научают опытным путем достигать искомого полезного результата с наименьшей затраченной силой. А так как все время различные поколения рабочих сталкиваются между собою на почве совместного труда в одних и тех же мануфактурах, то приобретенные указанным путем приемы технического искусства быстро укрепляются, накапливаются и передаются новым поколениям.

Мануфактура, воспроизводя внутри мастерской и систематически развивая до крайних пределов то естественное разделение промышленного труда, которое она находит в обществе, тем самым создает виртуозность (мастерство) частичных рабочих.

«Муслин из Дакки по своей тонкости, ситцы и другие материи из Короманделя по своему великолепию и прочности красок никогда еще не были превзойдены. И тем не менее они производятся без капитала, без машин, без разделения труда, в их производстве не применяется ни один из тех методов, которые доставляют такие преимущества европейской фабрикации. Ткачеством занимается ремесленник-одиночка, изготавливающий ткань по заказу потребителей и работающий на станке самой простой конструкции, состоящем иногда из грубо сколоченных деревянных брусков. У него нет даже никакого приспособления для натягивания основы, и потому станок должен все время оставаться растянутым во всю свою длину; вследствие этого он так неуклюж и занимает так много места, что не помещается в хижине ткача, который совершает поэтому свою работу на открытом воздухе, прерывая ее при каждой неблагоприятной перемене погоды»¹³.

Лишь унаследованная, накопленная из поколения в поколение, специальная сноровка сообщает индусу, как и пауку, его виртуозность. И все же по сравнению с большинством мануфактурных рабочих такой индусский ткач совершает очень сложный труд.

Ремесленник, совершающий один за другим различные частичные процессы, из которых складывается производство продукта, должен то переходить с места на место, то менять инструменты. Переходы от одной операции к другой прерывают течение его труда и образуют, так сказать, поры (промежутки) в его рабочем дне. Эти поры спадаются, если он в течение целого дня непрерывно выполняет одну и ту же операцию, они исчезают в той же мере, в какой уменьшается изменчивость его операций. Повышение производительности труда вызывается здесь или увеличенной затратой рабочей силы в течение данного промежутка времени, т. е. растущей интенсивностью труда, или уменьшением непроизводительного потребления рабочей силы. А именно: всякий переход от покоя к движению требует некоторой затраты сил, которая компенсируется большею продолжительностью труда раз достигнутой нормальной быстроты. С другой стороны, непрерывная монотонность работы ослабляет напряженность

¹³ Мерре Г., Вильсон Дж. и др. Исторический и описательный отчет о Британской Индии. Лондон, 1832. Т. II. С. 449. Индийский ткацкий станок очень высок, так как основа натягивается на нем вертикально.

внимания и подъем энергии, так как лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самым фактом перемены деятельности.

Однако производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, например инструменты режущие, сверлящие, толкающие, ударяющие и т. д., употребляются в различных процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных операций. Но с того момента, когда различные операции данного процесса труда обособились друг от друга, причем каждая частичная операция в руках частичного рабочего приняла возможно более совершенную, а следовательно, и исключительную форму, — с этого момента возникает необходимость изменений в орудиях, служивших ранее для различных целей. Направление этого изменения формы выясняется на опыте, который показывает, какие именно особые трудности представляет пользование орудиями в их неизменяющейся форме. Дифференцирование (разделение на различные виды) и специализация рабочих инструментов характеризуют мануфактуру. В одном Бирмингеме изготавливается до 500 разновидностей молотков, причем не только каждый из них служит для особого производственного процесса, но зачастую данная совокупность разновидностей служит лишь для отдельных операций одного и того же процесса. Мануфактура упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным обособленным функциям частичных рабочих¹⁴. Тем самым она создает материальные предпосылки машины, которая представляет комбинацию многих простых инструментов.

Частичный рабочий и его инструмент образуют простые элементы мануфактуры. Обратимся теперь к мануфактуре в ее целом.

3. Две основные формы мануфактуры: гетерогенная мануфактура и органическая мануфактура

Мануфактуры разделяются на две существенно различные основные формы, которые и при позднейшем превращении мануфактуры в крупную машинную промышленность играют совершенно неодинаковую роль. Этот двойной характер мануфактуры определяется самой природой продукта. Последний получается или путем чисто механического соединения самостоятельных частичных продуктов (гетерогенная мануфактура), или же со всей готовой формой обязан последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций (органическая мануфактура).

Так, например, локомотив состоит более чем из 5000 самостоятельных частей. Он не может, однако, послужить примером собственно мануфактуры первого рода, так как является продуктом крупной промышленности. Но прекрасный пример дают нам часы, которые из индивидуального продукта нюрнбергского ремесленника превратились в общественный продукт целой массы частичных рабочих. Таковы: Rohwerkmacher, изготовитель часовых пружин, изготовитель циферблатов, изготовитель спиральных пружин, рабочий, вставляющий рубины, изготовитель стрелок, изготовитель часовой коробки, рабочий, нарезающий винты, золотильщик; есть много еще более дробных функций: рабочий, обрабатывающий колеса (причем опять-таки разделяется обработка латунных и стальных колес), Griebmacher,

¹⁴ Относительно естественных органов растений и животных Ч. Дарвин в своей составившей эпоху работе «Происхождение видов» говорит: «Причина изменчивости органов в тех случаях, когда один и тот же орган выполняет различные работы, заключается, быть может, в том, что здесь естественный подбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое уклонение формы, чем в тех случаях, когда один орган предназначен лишь для определенной обособленной задачи. Так, например, ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем сохранять более или менее одинаковую форму; но раз инструмент предназначен для одного какого-либо употребления, он при переходе к другому употреблению должен изменить и свою форму».

Zeigerwerkmacher, acheveur de pignon (укрепляет колеса в надлежащих частях механизма, полирует facettes и т. д.), Zapfenmacher, planteur de finissage (вставляет в механизм различные колеса и пружины), finisseur de barillet (вырезывает зубцы, расширяет отверстия до надлежащей величины, укрепляет установку), Hemmungmacher и, как подразделение этой отрасли в некоторых случаях, изготовитель цилиндров, изготовитель встречных колес, изготовитель маятников, изготовитель raquette (механизма, регулирующего часы), planteur d'échappement; далее: repasseur de barillet, полировщик стали, полировщик колес, полировщик винтов, рисовальщик цифр, Blattmacher (рабочий, покрывающий медь эмалью), fabricant de pendants (делает лишь кольца к часовой коробке), finisseur de charnière (вставляет латунный штифт в середину коробки и т. д.), faiseur de secret (вставляет пружину, открывающую крышку), гравер, ciseleur, полировщик часовой коробки и т. д., и т. д., наконец, repasseur, окончательно собирающий готовые часы и пускающий их в ход. Лишь немногие части часов проходят через различные руки, и в конце концов все эти разрозненные части собираются в одних руках, которые и сплавляют их в одно механическое целое.

Благодаря чисто внешнему отношению готового продукта к его разнородным составным частям в данном производстве, как и в других подобных ему, соединение многих частичных рабочих в одной мастерской наблюдается лишь случайно. Частичные работы, в свою очередь, могут выполняться в виде отдельных самостоятельных ремесел, что и имеет место в кантонах Ваадт и Невшатель, тогда как в Женеве, например, существуют крупные часовые мануфактуры, т. е. осуществляется непосредственная кооперация частичных рабочих под управлением одного капитала. Но и в этом последнем случае циферблаты, пружины и коробки редко изготавливаются в самой мануфактуре. Комбинированный мануфактурный способ фабрикации выгоден здесь лишь в исключительных случаях, так как конкуренция между рабочими, работающими на дому, наибольшая, а раздробление производства на массу разнородных процессов почти исключает возможность совместного применения орудий труда; между тем при рассеянной в пространстве фабрикации капиталист избавляется от издержек на фабричные здания и т. п.¹⁵ Надо заметить, однако, что положение и этих частичных рабочих, которые работают у себя на дому, но не на себя, а на капиталиста, совершенно отлично от положения самостоятельного ремесленника, работающего лишь на своих заказчиков¹⁶.

Другой род мануфактуры, ее совершенная форма, производит продукты, которые пробегают связанные фазы развития, последовательный ряд процессов; такова, например, мануфактура иголок, в которой проволока проходит через руки 72 и даже 92 специфических частичных рабочих.

Если мы рассматриваем определенное количество сырого материала, например тряпок на бумажной мануфактуре, проволоки на игольной мануфактуре, то окажется, что оно пробегает в руках различных частичных рабочих последовательный ряд фаз производства, пока наконец продукт не примет своей заключительной формы. Но если мы будем рассматривать мастерскую в целом, как совокупный механизм, то окажется, что сырой материал одновременно находится во всех фазах производства. Составленный из частичных рабочих совокупный рабочий одною

¹⁵ Женеве в 1854 г. произвела 80 000 часов, что составляет менее одной пятой часового производства кантона Невшатель. Шо-де-Фон (Chaux de Fonds), который можно рассматривать как одну часовую мануфактуру, производит в год вдвое больше, чем Женеве. С 1850 по 1861 г. Женеве изготовила 750 000 часов. Если независимость отдельных процессов, на которые распадается производство сложного продукта, уже сама по себе крайне затрудняет превращение таких мануфактур в машинное производство крупной промышленности, то в производстве часов сюда присоединяются еще два специальных препятствия: мелкость и деликатность составных элементов и то обстоятельство, что часы как предмет роскоши характеризуются чрезвычайным разнообразием формы. Лучшие лондонские фирмы в течение целого года едва ли производят хотя бы дюжину вполне сходных часов. Часовая фабрика Vacheron et Constantin, с успехом применяющая машины, дает самое большее 3–4 вариации часов по величине и форме.

¹⁶ В производстве часов, этом классическом образчике таких мануфактур, в которых объединяются самостоятельные частичные продукты, особенно удобно изучать упомянутое выше разложение ремесленной деятельности и вытекающую из него дифференциацию (т. е. различия, вытекающие из разделения труда) и специализацию рабочих инструментов.

частью своих многочисленных рук, вооруженных инструментами, тянет проволоку, между тем как другие его руки и инструменты в то же время выпрямляют эту проволоку, режут ее, заостряют концы и т. д. В результате в данный промежуток времени получается больше готового товара. Мануфактура достигает этой общественной организации процесса труда, лишь приковывая данного рабочего к одной и той же детали.

Так как частичный продукт каждого частичного рабочего является в то же время определенной ступенью развития одного и того же продукта, то один рабочий доставляет другому или одна группа другой их сырой материал. Результат труда одного образует исходный пункт труда другого. Рабочее время, необходимое для достижения искомого полезного эффекта, в каждом частичном процессе устанавливается опытом, и совокупный механизм мануфактуры покоится на предположении, что в данное рабочее время достигается данный результат. Лишь при этом условии различные дополняющие друг друга процессы труда могут непрерывно совершаться один рядом и одновременно с другим в пространстве и времени. Очевидно, что эта непосредственная взаимная зависимость отдельных работ, а следовательно, и рабочих вынуждает каждого из них употреблять на свою функцию лишь необходимое рабочее время, вследствие чего создается гораздо более высокая степень непрерывности, согласованности, правильности, порядка и особенно интенсивности труда, чем это имеет место в самостоятельном ремесле и даже в простой кооперации.

Различные операции требуют неодинакового времени для своего совершения и потому в равные промежутки времени дают различные количества частичных продуктов. Следовательно, раз каждый рабочий должен изо дня в день совершать одну и ту же операцию, то для различных операций необходимо различное число рабочих, притом строго соответствующее их взаимному соотношению, – например, в словолитне на 4 литейщиков требуется 2 отбивальщика и 1 полировщик, так как литейщик выливает в час 2000 букв, отбивальщик отбивает 4000 букв, а полировщик полирует 8000.

Раз для определенных размеров производства опытом установлено наиболее целесообразное числовое отношение между различными группами частичных рабочих, то расширить масштаб производства возможно, лишь взяв кратное от числа рабочих в каждой из этих отдельных групп. Так, например, в словолитне нельзя поставить и одного лишнего полировщика, не поставив в то же время двух новых отбивальщиков и четырех литейщиков. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что известные работы один и тот же индивидуум может исполнять одинаково легко, совершаются ли они в больших или в малых размерах; таковы, например, труд высшего надзора, перемещение частичных продуктов из одной фазы производства в другую и т. д. Выделение этих работ в самостоятельные функции, выполняемые специальными рабочими, выгодно поэтому лишь при увеличении числа занятых в производстве рабочих; но такое увеличение должно одновременно затронуть все группы в той же самой пропорции.

Существуют мануфактуры, в которых каждая отдельная группа рабочих есть уже расчлененное рабочее тело. Возьмем для примера мануфактуру бутылок. Она распадается на три существенно различные фазы. Во-первых, подготовительная фаза: приготовление смеси из песка, извести и т. д., из которой получается стекло, и сплавление этой смеси в жидкую стеклянную массу. В этой первой, равно как и в заключительной фазе – удаление бутылок из печи, их сортировка, упаковка и т. д., – заняты различные частичные рабочие. Между этими двумя фазами находится производство бутылок в собственном смысле этого слова, т. е. переработка в бутылки жидкой стеклянной массы. У отверстия одной и той же печи работает целая группа, называемая в Англии «hole» (дыра) и состоящая из одного изготовителя бутылок, одного выдувальщика, одного сборщика, одного собиральщика, полировщика и одного установщика. Эти пять частичных рабочих образуют пять особых органов единого рабочего тела, которое может функционировать лишь в целом, т. е. лишь как непосредственная кооперация пяти человек. Все тело парализовано, раз не хватает одной из его пяти составных частей. Но одна и та же

плавильная печь имеет несколько отверстий – в Англии, например, от 4 до 6, – при каждом из них имеется глиняный плавильный тигель с жидким стеклом, при каждом тигле занята группа из тех же самых пяти рабочих специалистов. Расчленение каждой отдельной группы покоится здесь непосредственно на разделении труда, тогда как союз между различными однородными группами представляет простую кооперацию, предназначенную для того, чтобы с большей экономией использовать одно из средств производства, в данном случае плавильную печь. Каждая такая печь с ее 4–6 группами образует как бы самостоятельную мастерскую для выделки стекла, и стеклянная мануфактура охватывает несколько мастерских подобного рода вместе с приспособлениями и рабочими для начальных и заключительных фаз производства.

Наконец, мануфактура может развиваться в комбинацию различных мануфактур. Так, например, в Англии крупные стеклоделательные предприятия сами готовят для себя глиняные плавильные тигли, так как от достоинств последних существенно зависит, удастся или нет получение продукта. Мануфактура флинтгласа соединяется иногда с мануфактурой шлифования стекла и с латунно-литейной мануфактурой – последняя служит для изготовления металлических оправ к различным стеклянным предметам. В этом случае комбинированные мануфактуры образуют более или менее обособленные в пространстве отделы одной совокупной мануфактуры и в то же время независимые друг от друга процессы производства – каждый со своим собственным разделением труда. Несмотря на некоторые преимущества, представляемые комбинированной мануфактурой, последняя как таковая не достигает действительного технического единства. Это единство возникает лишь при превращении мануфактуры в машинное производство.

Мануфактурный период, быстро делающий уменьшение рабочего времени, необходимого для производства товаров, своим сознательным принципом, развивает в отдельных случаях употребление машин, особенно при некоторых элементарных подготовительных процессах, требующих для своего выполнения большего количества людей и большей затраты силы. Так, например, в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перематывания тряпок, а при выплавке металлов – машинные толчеи для раздробления руды. Машина в ее самой элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы¹⁷. Ремесленный период также оставил нам великие открытия: компас, порох, книгопечатание и автоматические (приводимые в движение механизмом) часы. Но и после этого машина все же продолжает в общем играть второстепенную роль по сравнению с разделением труда. Очень важную роль сыграло sporadическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики.

Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, требуют от него напряжения различных способностей. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае – больше ловкости, в третьем – больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения различных операций и приобретения ими самостоятельного характера рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, в которую пускает свои корни разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям.

¹⁷ Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика еще до сих пор называется «mill» (мельница). В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX в. мы также встречаем слово «Mühle», обозначающие не только машины, приводимые в движение силами природы, но и всякую вообще мануфактуру, применяющую механические аппараты.

Собирательный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаково высокой степени и в то же время тратит их самым целесообразным образом, так как каждый из своих органов в той форме, в какой они существуют в отдельных рабочих или группах рабочих, он применяет исключительно лишь для той работы, для которой они всего лучше подходят. Односторонность и даже прямые недостатки частичного рабочего составляют его достоинства, если мы будем рассматривать его как часть совокупного рабочего, – например, одностороннее развитие мускулов, искривление костей и т. п. Привычка к односторонней функции превращает его в орган, действующий с инстинктивной уверенностью, а связь совокупного механизма вынуждает его действовать с регулярностью отдельной части машины.

Так как различные функции совокупного рабочего могут быть проще и сложнее, грубее и тоньше, то его органы, индивидуальные рабочие силы, нуждаются в очень различных степенях образования и обладают поэтому очень различной стоимостью. Таким образом, мануфактура развивает иерархию (систему ступеней) рабочих сил, которой соответствует лестница заработных плат. Между тем каждый производственный процесс требует известных простых движений, одинаково доступных каждому человеку. И такие движения порывают теперь свою непостоянную связь с более содержательными моментами производственной деятельности и окостеневают в виде особых исключительных функций.

Мануфактура создает поэтому в каждом ремесле, которое она охватывает, класс так называемых необученных рабочих (неквалифицированных, таких, которые не приобрели какой-либо специфической ловкости), которых строго исключала ремесленная организация производства. Наряду с иерархическими степенями выступает простое деление рабочих на обученных и необученных. Для последних издержки обучения совершенно отпадают, для первых они, вследствие упрощения их функций, ниже, чем для ремесленников. В обоих случаях падает стоимость рабочей силы. Исключения наблюдаются постольку, поскольку разложение процесса труда создает новые связанные функции, которые в ремесленном производстве совершенно отсутствовали или занимали более скромное место.

4. Разделение труда в мануфактуре и в обществе

Мы рассмотрели сначала происхождение мануфактуры, затем ее простые элементы – частичного рабочего и его орудие, – наконец, ее механизм в целом. Мы коснемся теперь вкратце отношения между мануфактурным разделением труда и общественным разделением труда, которое составляет общую основу всякого товарного производства.

Разделение труда в обществе и соответственное ограничение индивидуума сферой определенной профессии имеет, как и разделение труда внутри мануфактуры, две противоположные исходные точки развития. В пределах семьи – а с дальнейшим развитием в пределах рода – естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свой материал с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другими. С другой стороны, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между отраслями производства, но устанавливает связь между различными отраслями и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда воз-

никает путем обмена между первоначально различными, но независимыми друг от друга отраслями производства.

Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности, на которой мы не будем, однако, здесь долее останавливаться.

Так как производство и обращение товаров являются общей предпосылкой капиталистического способа производства, то мануфактурное разделение труда требует уже достигшего известной степени зрелости разделения труда внутри общества. Наоборот, мануфактурное разделение труда, в свою очередь, оказывает влияние на общественное разделение труда, развивая и расчлняя его дальше. По мере дифференцирования инструментов труда все более и более дифференцируются и те отрасли производства, в которых эти инструменты изготавливаются. Когда производство, построенное по мануфактурному типу, распространяется на какую-либо отрасль промышленности, которая до сих пор была связана с другими как главная или побочная и выполнялась теми же самыми производителями, то немедленно происходит разделение и взаимное обособление. Если мануфактура овладевает отдельной ступенью производства данного товара, то различные ступени его производства становятся самостоятельными промыслами. Территориальное разделение труда, прикрепляющее определенные отрасли производства к определенным областям страны, получает новый толчок благодаря мануфактурному производству, эксплуатирующему всякого рода особенности. В мануфактурный период богатый материал разделению труда внутри общества доставляется расширением мирового рынка и колониальной системой – причем и то и другое входит в круг общих предпосылок общественного разделения труда.

Таким образом, разделение труда внутри мануфактуры было продолжением того разделения труда, которое наблюдалось уже на заре истории и до мануфактуры достигло наивысшего развития в ремесле. Понятно, что новое разделение труда, вызванное капиталом, обнаруживало многочисленные взаимодействия и сходства со старым. Несмотря на это, оба они – т. е. то, известное уже в течение веков разделение труда, которое, например, делило людей на различные ремесла, и введенное впервые капиталом разделение труда внутри одной и той же мастерской, – существенно различны между собой.

Все ярче это сходство выступает, без сомнения, там, где внутренняя связь охватывает собою различные отрасли производства. Так, например, скотовод производит шкуры, кожевник превращает их в кожи, сапожник превращает кожу в сапоги. Каждый производит здесь лишь полуфабрикат, а окончательная, готовая форма последнего есть комбинированный результат этих отдельных работ. Сюда присоединяются еще различные отрасли труда, доставляющие скотоводу, кожевнику и сапожнику их средства производства. Но что устанавливает связь между независимыми работами скотовода, кожевника и сапожника? То обстоятельство, что каждый из их продуктов есть товар. Напротив, что характеризует разделение труда в мануфактуре? То обстоятельство, что частичный рабочий не производит товара. Лишь совокупный продукт частичных рабочих превращается в товар. Общее разделение труда внутри общества обслуживается куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь между частичными работами мануфактуры устанавливается при помощи продажи различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию (сосредоточение) средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда требует раздробления средств производства между многими независимыми друг от друга товаропроизводителями. В мануфактуре железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями; наоборот, прихотливая игра случая и произвола определяет собою распределение товаропроизводителей и средств их производ-

ства между различными отраслями общественного труда. Мануфактурное разделение труда предполагает безусловный авторитет капиталиста по отношению к рабочим, которые образуют простые члены принадлежащего ему совокупного механизма; общественное разделение труда противопоставляет друг другу независимых товаропроизводителей, не признающих никакого иного авторитета, кроме конкуренции, кроме того принуждения, которое является результатом борьбы их взаимных интересов. Поэтому то же самое буржуазное сознание, которое прославляет как организацию труда, повышающую его производительные силы, мануфактурное разделение труда, пожизненное прикрепление работника к какой-нибудь одной операции и безусловное подчинение частичного рабочего власти капитала, – это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику.

Цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов. Равным образом, мастер мог держать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств со стороны купеческого капитала – этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду с существующими основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие отдельных отраслей труда цеховыми организациями послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сами цеховые организации исключали возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной, и, следовательно, не доставало первой предпосылки мануфактуры: обособления средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала.

В то время как разделение труда в целом обществе – совершается ли оно при посредстве товарного обмена или независимо от него – принадлежит самым различным социально-экономическим формациям, *мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства.*

5. Капиталистический характер мануфактуры

После того как мануфактура уже введена, каждый отдельный успех разделения труда требует наличности более крупного капитала в руках отдельных капиталистов. В самом деле, как мы видим, минимальное количество рабочих, которых должен применять единичный капиталист, предписывается ему теперь наличным разделением труда (припомним пример со словолитней: на одного полировщика приходится два отбивальщика и четыре литейщика; капиталист должен поставить, по крайней мере, этих семерых человек, если он вообще хочет пустить в ход свою словолитню. А чтобы расширить предприятие, ему требуется, по крайней мере, еще семеро душ). Но вместе с тем необходимо соответствующее умножение средств труда и материалов труда, строений, печей и т. д., особенно же сырья, которое должно расти гораздо быстрее числа рабочих. В самом деле, вследствие расширения производства растет производительная сила труда, а следовательно, в течение того же времени и тем же количеством рабочих пере-

рабатывается тем большее количество сырья. Последнее должно находиться в распоряжении капиталиста. Следовательно, в той же мере, как растет мануфактура, наличные средства существования и средства производства данного общества должны становиться капиталом, находящимся в руках капиталистов. «Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелись средства существования и производства, необходимые для дальнейшего разделения труда; необходимо, кроме того, чтобы они скопились в руках предпринимателей в достаточно значительных массах, позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число занятых рабочих требует все более значительного капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д.» (*Шторх*. Cours d'Economie Politique. Paris. T. I. P. 250–251).

Подобно простой кооперации, и мануфактура вызвана к жизни капиталом. Вследствие этого производительная сила, возникающая из сочетания различных работ, представляется производительной силой капитала. Однако между простой кооперацией и мануфактурой есть существенная разница. В то время как простая кооперация оставляет способ производства отдельных лиц, вообще говоря, неизменным, мануфактура в корне революционизирует его и всецело подчиняет себе индивидуальную рабочую силу. Она превращает рабочего в уroda, искусственно культивируя в нем одну только специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований; она утилизирует рабочего, как утилизируется скот в государствах Ла-Платы, где убивают животное только для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы, и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде частицы его собственного тела. Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь самая его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не продана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Неспособный по своим естественным дарованиям делать что-либо самостоятельно, мануфактурный рабочий развертывает производительную деятельность уже только как придаток мастерской капиталиста. «Работник, владеющий своим ремеслом во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, мануфактурный рабочий представляет только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (*Шторх*. Cours d'Economie Politique. Paris. T. I. C. 204).

Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник хотя бы и в малом масштабе, все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Частичные рабочие теряют духовные потенции (движущие силы) производства, которые сосредоточиваются в протитовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства отнимаются у рабочих и противопоставляются им как чужая собственность и поработощающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист в протитовес отдельному рабочему представляет единство и волю общественно трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку как самостоятельную производственную силу и заставляет ее служить капиталу.

В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила

размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависят ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди» (*Фергюсон А.* История гражданского общества. Эдинбург, 1767. Ч. IV, отд. 1, с. 280). И в самом деле, в половине XVIII в. некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полуидиотов для производства известных простых операций, составлявших, однако, фабричную тайну.

Английский ученый Адам Смит в своем произведении «Богатство народов» (1776. Кн. V, гл. 1, отд. 2) ярко изображает духовное калечение рабочего вследствие мануфактуры.

«Духовное развитие значительного большинства людей, – говорит А. Смит, – неизбежно определяется их повседневными занятиями. Человек, затративший всю свою жизнь на отправление немногих простых операций (...) не имел случая упражнять свой разум... Он бывает обыкновенно настолько тупым и невежественным, насколько это возможно для человеческого существа».

Но и тело частичного рабочего калечится, и, таким образом, мануфактура впервые доставила материал и стимул к изучению профессиональных болезней.

«Рассечение человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Рассечение труда есть убийство народа» (*Д. Уркарт.* Лондон, 1855).

Вырастая первоначально в некотором роде сама собой, из потребностей труда, мануфактура – т. е. совместная работа, основывающаяся на разделении труда, – как только она оказывается некоторым образом укрепившейся и распространившейся, сознательно и планомерно применяется капиталистами и развивается ими дальше. История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесообразные формы, сначала чисто эмпирически, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится закрепить раз найденную форму в виде традиции, переходящей от одного поколения к другому, и, в отдельных случаях, упрочить их на целые века. Если эта форма изменяется, то, за исключением совершенно второстепенных перемен, – всегда лишь под влиянием революции в орудиях труда. Современная мануфактура – я не говорю здесь о крупной промышленности, покоящейся на применении машин, – или находит свои элементы уже в готовом виде, хотя бы и рассеянными, – например, мануфактура платья в тех крупных городах, где она возникает, – и ей приходится только собрать эти рассеянные члены, или же принцип разделения бросается в глаза сам собою, требуя просто передачи отдельных операций ремесленного производства (например, в переплетном деле) особым частичным рабочим. В таких случаях не требуется и недели опыта, чтобы найти надлежащую пропорцию между числом рук, необходимых для отправления каждой функции¹⁸.

Мануфактурное разделение труда создает, следовательно, определенную организацию общественного труда и вместе с тем развивает новую, общественную производительную силу труда. Как специфически капиталистическая форма производства – а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме – оно есть лишь особый метод производить за счет рабочего относительную прибавочную стоимость или усилить самовозрастание капитала. Оно не только развивает общественную производительную силу труда для капиталиста, а не для рабочего, но и развивает ее путем изуродования индивидуального рабочего. Оно создает новые условия господства капитала над трудом.

¹⁸ Наивная вера в изобретательский гений, с самого начала проявляемый отдельными капиталистами в области разделения труда, сохранилась еще, по-видимому, только у немецких профессоров. Так, например, господин Рошер назначает капиталисту «различные заработные платы» («*diverse Arbeitslohne*») в благодарность за то, что из юпитерской головы последнего выскакивает в совершенно законченном виде разделение труда. Больше или меньше разделение труда зависит от величины кошелька, а не от размеров гения.

Поэтому, если, с одной стороны, оно является историческим прогрессом, то, с другой стороны, оно есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации.

Политическая экономия, которая становится настоящей наукой лишь в мануфактурный период, рассматривает, вообще говоря, общественное разделение труда лишь как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно, удешевить товары и ускорить накопление капитала. В противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости писатели классической древности обращают внимание исключительно на качественную сторону и потребительную стоимость. Вследствие разделения общественных отраслей производства товары изготавливаются лучше, различные склонности и таланты людей получают возможность найти себе надлежащую сферу проявления, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего замечательного.

В собственно мануфактурный период, т. е. в период, когда мануфактура была господствующей формой капиталистического способа производства, полное осуществление присущих ей тенденций наталкивается на разнообразные препятствия. Хотя мануфактура создает, как мы видели, наряду с иерархическим расчленением рабочих простое разделение их на обученных и необученных, число последних остается весьма ограниченным. Хотя мануфактура приспособляет отдельные операции к различным степеням зрелости и силы рабочих и, следовательно, толкает к эксплуатации женщин и детей, тем не менее эта тенденция, вообще говоря, терпит крушение благодаря привычкам и сопротивлению взрослых рабочих мужчин. Хотя разложение ремесленной деятельности на частичные операции понижает издержки обучения, а потому и стоимость рабочего, тем не менее для более трудных детальных работ длительный срок обучения остается необходимым и ревностно охраняется рабочими даже там, где он излишен. Мы видим, например, что в Англии законы об ученичестве с их семилетним сроком обучения сохраняют полную силу до конца мануфактурного периода и уничтожаются лишь под натиском крупной промышленности. Так как *ремесленное искусство остается основой мануфактуры*, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих. Поэтому в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. Начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий; вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих мануфактурам приходилось покидать одну страну, чтобы переселиться в другую; уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки.

Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе.

Одним из наиболее совершенных созданий мануфактуры была мастерская для производства самых орудий труда, особенно сложных механических аппаратов. Этот продукт мануфактурного разделения труда, в свою очередь, производил *машины*. Вместе с тем пали те преграды, которые еще ставила господству капитала зависимость продукта от личных способностей рабочего.

В) Машины и крупная промышленность **[Т. I. Гл. 13. § 1,2]**

1. Развитие машин

Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, машины, применяемые капиталом, должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня; которую он даром отдает капиталисту. Машины – средство производства прибавочной стоимости.

В мануфактуре исходной точкой переворота в способе производства служит *рабочая сила*, в крупной промышленности – *средство труда*. Поэтому прежде всего необходимо исследовать, чем отличается машина от ремесленного инструмента.

Математики и механики говорят, что орудие есть простая машина, а машина есть сложное орудие. Они не видят никакого существенного различия между ними. Действительно, каждая машина состоит из простых орудий, каковы бы ни были их изменения и сочетания. Однако с экономической точки зрения это определение совершенно непригодно, потому что исторический элемент в нем отсутствует. С другой стороны, различие между орудием и машиной хотят открыть в том, что при орудии движущей силой служит человек, а движущая сила машины – сила природы, отличная от человеческой силы, например животное, вода, ветер и т. д. Но тогда запряженный быками плуг был бы машиной, а применявшийся в XVIII в. круговой ткацкий станок Клауссена, который приводится в движение рукой одного рабочего и делает 96 000 петель в минуту, был бы простым орудием. Мало того, один и тот же ткацкий станок был бы орудием, если он приводится в движение рукой, и машиной, если приводится в движение паром. Так как применение животной силы представляет одно из древнейших изобретений человечества, то оказалось бы, что машинное производство предшествовало ремесленному производству.

Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии (передаточного механизма), наконец, исполнительного механизма или собственно рабочей машины. Двигательный механизм действует как движущая сила всей машины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как, например, паровая машина, калорическая машина (действующая нагретым воздухом), электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо, крыло ветряной мельницы и т. д. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, промежуточных приспособлений и принадлежностей самого различного рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на исполнительные механизмы. Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его. *Промышленная революция XVIII в. исходит как раз от этой части машины – от исполнительного механизма*. И теперь он снова и снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфактурное производство превращается в машинное.

Если мы присмотримся ближе к исполнительному механизму, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто и в очень измененной форме, все те же аппараты и орудия, которыми работает ремесленник и мануфактурный рабочий. Или вся машина представляет лишь более или менее измененное механическое издание старого

ремесленного инструмента, как в случае с механическим ткацким станком, или прилаженные к корпусу рабочей машины действующие органы являются старыми знакомыми, как веретена у прядильной машины, спицы у чулочно-вязальной машины, пилы у лесопильной машины, ножи у резальной машины и т. д. Итак, исполнительный механизм – это такой механизм, который, получив соответствующее движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями. Исходит ли движущая сила от человека или же, в свою очередь, от машины – это ничего не изменяет в существе дела. *После того как орудие, в собственном смысле слова, воздействующее на сырье, перешло из рук человека к механизму, просто орудие становится машиной.* Различие с первого же взгляда бросается в глаза, хотя бы источником (движущей силы) все еще оставался сам человек. Количество рабочих инструментов, которым человек может действовать одновременно, ограничено количеством органов его тела. В Германии как-то сделали попытку заставить прядильщика двигать два прядильных колеса, т. е. работать одновременно обеими руками и обеими ногами. Но это требовало слишком большого напряжения. Позже изобрели прялку с двумя веретенами. Но такие прядильщики-виртуозы, которые могли бы одновременно прядь две нитки, встречались почти так же редко, как двухголовые люди. Напротив, «дженни» уже с самого своего появления прядет 12–18 веретенами, чулочно-вязальная машина разом вяжет многими тысячами спиц и т. д. Таким образом, количество орудий, которым одновременно действует одна и та же рабочая машина, с самого начала эмансипируется от тех ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего.

Даже паровая машина в том виде, как она была изобретена в конце XVII в., в мануфактурный период, и просуществовала до начала 80-х гг. XVIII в., не вызвала никакой промышленной революции. Наоборот, именно создание рабочих машин и выдвинуло необходимость паровой машины.

Рабочая машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней.

Увеличение размеров рабочей машины и количества ее одновременно действующих орудий требует более крупного двигательного механизма, а этот механизм нуждается для преодоления своего собственного сопротивления в более мощной двигательной силе, чем человеческая, не говоря уже о том, что человек представляет крайне несовершенное средство для производства равномерного и непрерывного движения. Теперь силы природы могут заменить его и как двигательную силу, а при этом один двигательный механизм может приводить в движение много рабочих машин одновременно.

Механические станки, паровые машины и т. д. появились раньше, чем появился рабочий, исключительное занятие которого состоит в производстве паровых машин, механических станков и т. д. точно так же, как человек носил одежду раньше, чем появились портные. Но изобретения XVIII в. (Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д.) могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом. С увеличением числа изобретений и возрастанием спроса на вновь изобретенные машины все более развивалось, с одной стороны, распадение фабрикаций машин на многочисленные отрасли, с другой стороны, разделение труда внутри машиностроительных мануфактур. Таким образом, мы открываем здесь в мануфактуре непосредственную техническую основу крупной промышленности. Она производила машины, при помощи которых крупная промышленность положила конец ремесленному и мануфактурному производству в тех отраслях производства, которыми они прежде всего овладели. Следовательно, машинное производство первоначально возникло на несоответствующем ему материальном базисе. Развитие крупной промышленности парализовалось до тех

пор, пока ее характерное средство производства – сама машина – была обязана своим существованием индивидуальной силе и индивидуальному искусству, т. е. пока она зависела от тех мускульной силы, верности глаза и виртуозности рук, с которыми частичный рабочий мануфактуры или ремесленник оперирует своим карликовым инструментом. Не говоря о дороговизне машин как следствии такого способа их происхождения, – дальнейшее расширение промышленности, которая приобрела уже машинный характер, и проникновение машин в новые отрасли производства всецело зависели благодаря этому от такого условия, как возрастание этой категории рабочих, которая вследствие полуартистического характера ее занятий может увеличиваться не скачками, а лишь постепенно. Но на известной ступени развития крупная промышленность попадает и в техническое противоречие со своим ремесленным и мануфактурным базисом. Перед машиностроением выросли задачи, которых мануфактура не могла разрешать. Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина.

Переворот в способе производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает такой же переворот в других сферах. Так, например, машинное прядение выдвинуло необходимость машинного ткачества, а оба вместе сделали необходимой механико-химическую революцию в белильном, ситцепечатном и красильном производствах. Таким же образом, с другой стороны, революция в бумагопрядильном производстве вызвала изобретение gin'a – машины для отделения хлопчатобумажных волокон от семян, благодаря чему только и сделалось возможным производство хлопка в необходимом теперь крупном масштабе. А революция в способе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественно-производственного процесса, т. е. в средствах сношений и транспорта. Средства транспорта и сношений, завещанные мануфактурным периодом, скоро превратились в невыносимые пути для крупной промышленности с ее лихорадочным темпом производства, ее массовыми размерами, с ее постоянным перебрашиванием масс капитала и рабочих из одной отрасли производства в другую и с созданными ею новыми связями, расширяющимися в мировой рынок. Не говоря уже о парусном судостроении, претерпевшем полный переворот, в деле сношений и транспорта совершилось поэтому при помощи системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов постепенное приспособление к крупнопромышленному способу производства. Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь, требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах.

Итак, крупная промышленность должна была распространиться и на машиностроение, должна была производить машины машинами.

Если в машине, применяемой к машиностроению, мы рассмотрим ту часть, которая составляет собственно рабочую машину, то мы опять увидим перед собою ремесленный инструмент, только в циклопических размерах, – например, исполнительный механизм сверлильной машины – это огромный бурав, который приводится в движение паровой машиной и без которого, в свою очередь, не могли бы быть произведены цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок – циклопическое воспроизведение обыкновенного ножного токарного станка; строгальная машина – железный плотник, обрабатывающий железо тем же орудием, как плотник обрабатывает дерево; орудие, которое на лондонских кораблестроительных верфях режет железо на пластины, – это гигантская бритва; орудие машины, которая режет железо, как ножницы портного режут сукно, – это чудовищные ножницы, а паровой молот действует головкой обыкновенного молотка, но такого веса, что им не мог бы взмахнуть сам Тор. Например, один из таких паровых молотов весит более 6 тонн и падает перпендикулярно с высоты в 7 футов на наковальню весом в 36 тонн. Он играючи

превращает в порошок гранитную глыбу, но не менее пригоден и к тому, чтобы вбить гвоздь в мягкое дерево рядом легких ударов.

В простой кооперации и даже кооперации, усовершенствованной разделением труда, вытеснение обособленного рабочего коллективным все еще представляется более или менее случайным. *Машина же* (за некоторыми исключениями, о которых будет упомянуто позже), *безусловно, требует обобществленного труда*, т. е. планомерного и совместного труда многих лиц. Самая природа труда делает теперь планомерную совместную работу технической необходимостью.

2. Стоимость, отдаваемая машиной продукту

Мы видели, что производительные силы, возникающие из кооперации и разделения труда, ничего не стоят капиталу. Естественные силы, как пар, вода и т. д., тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки», для того чтобы производительно потреблять эти естественные силы. Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара – паровая машина. С наукой дело обстоит так же, как с естественными силами. Раз закон отклонения магнитной стрелки в области действия электрического тока или закон намагничивания железа действием электрического тока, обтекающего вокруг железа, открыты, они уже не стоят ни гроша. Если, таким образом, с первого же взгляда ясно, что крупная промышленность, овладев колоссальными силами природы и естествознанием, должна была чрезвычайно повысить производительность труда, то далеко не так ясно, не покупается ли это повышение производительной силы более значительным увеличением затраты труда. Подобно постоянному капиталу вообще, машина не создает никакой стоимости, но переносит на продукт свою собственную стоимость. Но несомненно ведь, что машина и система машин, характерное средство труда крупной промышленности, представляют несравненно большую стоимость, чем средства труда в ремесленном и мануфактурном производстве. Вместо того чтобы удешевлять продукт, она удорожает его соответственно своей собственной стоимости.

Но машина никогда не присоединяет к единственному продукту большей стоимости, чем какую она сама в среднем теряет вследствие изнашивания. Таким образом, существует большая разница между стоимостью машины и той частичкой стоимости, которую она всякий раз переносит на продукт. А эта частичка тем меньше, чем дольше служит машина. Правда, это относится ко всякому средству труда, в особенном смысле ко всякому орудию производства. Однако разница между пользованием и изнашиванием много больше у машины, чем у простого орудия, потому что машина, построенная из более прочного материала, живет дольше, а ее применение, регулируемое строго научными законами, допускает большую экономию в расходовании ее составных частей и потребляемых ею средств, и, наконец, арена производства у нее несравненно шире, чем у орудия. В одной лекции, опубликованной в 1858 г., Бэнс из Блэкберна вычисляет, что «каждая реальная механическая лошадиная сила приводит в движение 450 веретен мюли с принадлежностями, или 200 тростильных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе со сновальными, шлихтовательными и т. д. приспособлениями». Дневные издержки одной паровой лошадиной силы и снашивание машин, приводимых ею в движение, в первом случае распределяются на дневной продукт 450 веретен мюли, во втором – 200 тростильных веретен, а в третьем – на продукт 15 механических ткацких станков, так что благодаря этому на унцию пряжи или на аршин ткани переносится лишь ничтожная часть стоимости. То же самое в приведенном выше примере с паровым молотом. Так как его дневное снашивание, потребление угля и т. д. распределяются на чудовищные массы ежедневно выковываемого им железа, то на каждый центнер железа приходится лишь

очень небольшая часть стоимости; но она была бы очень велика, если бы этим циклопическим инструментом вколачивали мелкие гвозди.

Уже при рассмотрении кооперации и мануфактуры выяснилось, что некоторые общие нужды производства, например строения и т. п., вследствие коллективного использования расходуются экономнее, а потому менее удорожают продукт. То же в еще большей степени относится к машинам, потому что в этом случае происходит коллективное использование не только рабочей машины ее многочисленными орудиями, но и одного и того же двигателя вместе с частью передаточного аппарата – многочисленными рабочими машинами. Какую стоимость может в общем передать машина продукту – это зависит, естественно, от ее собственной стоимости. Чем меньше труда она сама содержит, тем меньше стоимости она присоединяет к продукту. Чем меньше стоимости она передает продукту, тем она производительнее и тем более приближается она по своей службе к силам природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.